

МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
им. Святителя Кирилла Туровского

Кафедра церковной истории и
церковно-практических дисциплин

**Священник
Гордей ШЕГЛОВ**

*Год
1863*

**ЗАБЫТЫЕ
СТРАНИЦЫ**

Минск
«ВРАТА»
2013

УДК 271.22-726.3(476)«1863»

ББК 86.372(4Бен)

ЩЗЗ

Допущено к изданию Издательским советом
Белорусской Православной Церкви.
Решение № 1181 от 13.11.2012.

Рецензент: протоиерей Федор Кривонос, доцент Минских
Духовных Академии и Семинарии, кандидат богословия

Щеглов, Г. Э.

Щ 33

Год 1863. Забытые страницы / священник Гордей Щеглов. — Минск :
ВРАТА, 2013. — 128 с. [12] л. цв. ил. : ил.

ISBN 978-985-6912-09-5.

Книга повествует о малоизвестных страницах польского национально-сословного восстания 1863—1864 годов и посвящена главным образом судьбам двух православных церковнослужителей — священника Даниила Конопасевича и псаломщика Федора Юзефовича, убитых повстанцами. В книге содержатся интереснейшие факты и материалы, касающиеся сложных национальных, сословных и религиозных взаимоотношений в Белоруссии середины XIX века.

Настоящая книга представляет 3-е издание, исправленное и дополненное. Написана она на основе многочисленных архивных источников. Рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся гражданской и церковной историей Беларуси.

УДК 271.22-726.3(476)«1863»

ББК 86.372(4Бен)

ISBN 978-985-6912-09-5

© Щеглов Г. Э., 2005

© Щеглов Г. Э., 2013, с изменениями

К читателю

Польское восстание 1863–1864 годов по сегодняшний день остается одним из наиболее мифологизированных сюжетов белорусской истории. Сформировался даже целый пласт литературы, представляющий восстание едва ли ни белорусским национальным делом, героической борьбой белорусского народа за независимость. Естественно, появились и свои «герои». Однако если для польской историографии героико-патриотический пафос в освещении тех событий понятен и логичен, то для нашей национальной истории является неестественным и надуманным, искусственно насаждаемым в общественном сознании. Для польского национального самосознания освободительные восстания XIX столетия действительно окружены ореолом героической борьбы за восстановление утраченной государственности, овеяны духом жертвенности, мужества, пламенного патриотизма. Но у нас ведь своя история...

Хочется напомнить, что повстанческие идеи, пропагандируемые польскими патриотами, остались чуждыми белорусскому населению и не нашли в его среде широкого отклика. Восстание поддержала лишь незначительная часть населения, чаще всего польского происхождения или считавшая себя поляками: шляхта, ксендзы, мелкие чиновники, гимназисты, помещичья челядь и т. п. Показательно, что подавляющая масса участников восстания принадлежала римо-католическому исповеданию¹. А ведь для самосознания того времени «католик» значило «поляк», а «православный» — «русский». Понятия «католик» и «православный» закрепились и воспринимались как этнонимы. Белорусы же, как известно, в основном были православными. Поэтому

¹ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1418. Оп. 3. Д. 1.

для Белоруссии восстание оказалось ненужной смутой, вписавшей в ее историю не одну драматическую страницу. О некоторых трагических сюжетах того времени и повествует настоящая книга, представляющая уже третье издание — исправленное и дополненное.

Первое издание «Забытых страниц» вышло в 2005 году² и было посвящено памяти священника Минской епархии Даниила Конопасевича, убитого повстанцами в 1863 году. Читательский интерес к книге и отзывы побудили к подготовке второго, дополненного издания, вышедшего в свет в 2007 году³. В нем, помимо новых материалов о священнике Данииле, появилась глава о еще одном церковнослужителе Минской епархии, пострадавшем в 1863 году от рук повстанцев, — Федоре Яковлевиче Юзефовиче.

Подготовка нынешнего, третьего, издания обусловлена появлением в распоряжении автора новых материалов, дополняющих и обогащающих картину событий.

Теперь несколько слов о тех, кому посвящена книга. Первые сообщения об убийстве священника Даниила Конопасевича и псаломщика Федора Юзефовича, появившиеся в печати в 1863 году, носили, разумеется, ограниченный, не совсем достоверный и в определенном смысле тенденциозный характер. Между тем информация, представленная в этих сообщениях, стала на многие годы «хрестоматийной». Например, главным виновником убийства священника Даниила считался владелец имения Богушевичи, участник восстания, Болеслав Свенторжецкий. Однако, как удалось выяснить в процессе исследования, это было не так.

² Щеглов Г. Э. 1863-й. Забытые страницы. — Минск: Православное Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске, 2005. — 60 с.

³ Щеглов Г. Э. Год 1863. Забытые страницы. — 2-е изд., доп. — Минск: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2007. — 98 с.

С оживлением в начале XX века в Минской епархии внимания к трагическим судьбам священника Даниила Конопасевича и псаломщика Федора Юзефовича в «Минских епархиальных ведомостях» появился ряд публикаций, посвященных их памяти. Эти публикации, представлявшие воспоминания родственников или очевидцев событий, дали замечательный материал к их жизни и намного прояснили обстоятельства их смерти.

События, происходившие в стране после октябрьского переворота 1917 года, и развернувшиеся гонения на Веру и Церковь Христову, по сути, погребли историческое, а в особенности церковное прошлое для новых поколений уже советских людей. Произошла историческая метаморфоза, которую можно назвать «разрывом времен». Под спудом забвения оказались тысячи удивительных судеб, а события прошедшей истории рисовались в ином свете и с иными резонами.

Но вот сегодня, сквозь время, сквозь бури социальных и политических потрясений, снова проступают имена, события, звуки давно минувших дней и эпох, оживляется интерес к нашему историческому прошлому. И среди них имена священника Даниила Конопасевича и псаломщика Федора Юзефовича.

Обстоятельства смерти этих церковных служителей не оставили в свое время автора равнодушным к их судьбам и побудили к собиранию материалов, связанных с их жизнью.

В процессе работы над книгой автор старался критически подходить к источникам, оказавшимся в его распоряжении. Это позволило сформировать более объективный взгляд в отношении некоторых лиц и событий. Так, например, в книге пересмотрена оценка личности помещика Болеслава Свенторжецкого, считавшегося ранее главным виновником

смерти священника Даниила. Уточнены даты, имена, хронология событий восстановлена с большей ясностью.

«Работа над источником, — писал русский историк И. Е. Забелин, — тяжелая, мелочная, до крайности скучная, в которой сохнет ум, вянет воображение, но зато вырастает достоверность»⁴.

⁴ Цит. по: Сахаров А. Н. «Светлый русский ум» / И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая: Государев двор, или Дворец. — М.: Книга, 1990. — С. 37.

Глава I

Вехи истории

Чтобы правильно понять события, о которых будет сказано ниже, необходимо хотя бы в общих чертах представить ту историческую обстановку и атмосферу, в которых они происходили.

В 1569 году на сейме в городе Люблине состоялась так называемая Люблинская уния — объединение Польского королевства и Великого княжества Литовского, а вернее, при сильном политическом давлении произошло присоединение территорий Литовского княжества к Польской Короне. Удивительно проницательные слова сказал тогда на одном из сеймовых заседаний от имени литовско-белорусских послов жмудский староста Иван Ходкевич: «Неприятель во время перемирия не нарушал собственности, а нас, живущих в вечном мире и братстве с вами, господа поляки, лишаете нас этого права. Справедливости мало на земле! Но Бог такой несправедливости не потерпит: рано или поздно расчет будет»⁵. С великой скорбью и со слезами принимали тогда акт объявления унии литовско-белорусские послы.

В результате Люблинской унии исконно русско-украинские и белорусско-литовские земли с преобладающим православным населением и самобытной культурой оказались подчиненными католической Польше, в которой сосредоточивалась теперь вся законодательная власть. Так образовалась Речь Посполитая.

⁵ Цит. по: *Афанасий (Мартос), архиепископ*. Беларусь в исторической и государственной жизни. — Минск, 1990. — С. 39.

Со времени принятия Люблинской унии началась постепенная полонизация Белоруссии, а вместе с ней и более активное распространение римского католичества. Все чаще и чаще белорусские земли стали переходить в руки польских владельцев и ополяченной местной шляхты, получавших земельные угодия от польских королей в награду за военную службу. Эти владельцы закрепили за своими землями местных крестьян, лишив их права переходить в другие места. Сеймовым законом 1573 года крепостное право в Речи Посполитой было установлено окончательно, а третий Литовский статут 1588 года еще раз подтвердил его. Ни в одной европейской стране крепостное право не приобрело такие уродливые формы, как в Речи Посполитой, где владельцы самовластно и по собственной прихоти распоряжались даже жизнью принадлежавших им «хлóпов». На белорусских землях ситуация сложилась еще хуже. Здесь белорусское крестьянство находилось в крепостной зависимости у польских или ополяченных панов и магнатов, считавших себя частью единой «польской шляхетской нации» и не желавших иметь с местным населением ничего общего — ни по крови, ни по вере, ни по культуре. Ничего не изменила и принудительная религиозная уния 1596 года; шляхетство воспринимало ее, как и православие, верой второго сорта — для «быдла». Жестокость крепостных порядков в Белоруссии поражала не только западных путешественников, но даже российских дворян, тоже крепостников, которые единогласно находили положение белорусского мужика непереносимым⁶.

Значительную роль в полонизации края играло католическое духовенство, также состоявшее преимущественно

⁶ Трещенок Я. И. История Беларуси. Ч. 1. Досоветский период: учебное пособие. — Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2003. — С. 55–56.

из поляков. Для его пополнения подготавливались кадры в многочисленных польских католических школах, находившихся на содержании иезуитов. Множество поляков, занимавшихся торговлей и служивших в урядах, селилось в городах. Обслуживавшее их католическое духовенство занималось одновременно и миссионерством среди белорусского мещанства.

Серьезные изменения в жизни белорусских городов, связанные с событиями национально-освободительного восстания в Западной Руси и русско-польской войны, произошли в середине XVII столетия. После отступления из Белоруссии русских войск большая часть торгово-ремесленного населения, как добровольно, так отчасти и принудительно, переселилась в Россию. Лишившись городских доходов, польская казна и частные владельцы городов (магнаты) стали в массовом порядке заселять белорусские города еврейскими общинами — «кагалами», переселявшимися из Польши и Германии.

В результате этих процессов города Белоруссии к концу XVIII столетия практически потеряли белорусский облик, и только сельское население еще сохраняло национальные религиозно-культурные корни и традиции.

Как государство Речь Посполитая во все время своего существования изобиловала массой разнообразных внутренних противоречий, подрывавших ее жизнеспособность. Одним из роковых факторов, губивших Речь Посполитую, была ее постоянная борьба против России и православия вне и внутри государства. Непрестанные притеснения по религиозному и национальному признаку обширных слоев населения со стороны правительства, преследовавшего известные политические и конфессиональные цели, вызывали в народных массах крайнее недовольство, выливавшееся

время от времени в кровавые бунты и восстания, а с внешней стороны приводили к военным конфликтам с православной Россией. Уже к середине XVIII столетия в Речи Посполитой назрел глубокий внутренний кризис, который неминуемо вел ее к окончательному упадку. Бездействующие законы, беспорядок на сеймах, пустующая казна, крайнее бесправие народа, неограниченная свобода и своеволие шляхты с их «liberum veto», нравственная анархия среди правящего сословия, не имеющий реальной власти король, плохо подготовленное и недисциплинированное войско и на этом фоне религиозная борьба двух половин государства — вот состояние, к которому пришла Речь Посполитая накануне политического разрушения.

Обострившиеся внешние конфликты на фоне внутреннего разложения привели к тому, что в 1772 году произошел первый раздел Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией. К России перешла тогда вся восточная Белоруссия — Полоцкое, Витебское, Мстиславское и Минское воеводства. В 1793 году состоялся второй раздел, по которому Россия получила всю остальную Белоруссию, Украину, Подолию и восточную часть Полесья и Волыни. В 1795 году произошел третий, окончательный раздел Речи Посполитой, приведший к исчезновению этого государства с карты Европы. Более двух столетий прошло со времени Люблинского сейма, и прозвучавшие на нем слова Ивана Ходкевича исполнились с удивительной точностью: Польша потеряла не только присоединенные к ней тогда территории, но и собственную независимость.

Когда в Варшаве появился Наполеон Бонапарт с войсками, он был встречен с большим энтузиазмом. Поляки надеялись с его помощью возродить утраченную

государственность. По Тильзитскому миру 1807 года из части прусской и австрийской Польши было создано Великое герцогство Варшавское, отданное курфюрсту саксонскому, но находившееся под верховной властью французского императора. На территории Варшавского герцогства и Восточной Пруссии Наполеон разместил свою Великую армию, готовя ее к вторжению в Россию. Около половины этой армии составляли войска, набранные из многих стран Европы, — итальянцы, немцы, швейцарцы и др. Пятый корпус Великой армии был сформирован из польской шляхты и находился под командованием племянника последнего польского короля Юзефа Понятовского. Когда в 1812 году армия Наполеона вторглась в Белоруссию, местные помещики и шляхта стали массово переходить на службу к оккупантам, принимали обязательства снабжать французские части продовольствием и фуражом, посылали сыновей в польский корпус. В отличие от них белорусские крестьяне развернули против захватчиков масштабную партизанскую войну, не прощая вместе с тем предательства и местным помещикам⁷.

С поражением Наполеона рухнули и надежды поляков на обретение политической независимости. Преследуя остатки французской армии, русские войска заняли Польшу. Помня жестокости поляков в России, они «пылали народной ненавистью к неблагодарной стране и готовы были превратить ее в пустыню»⁸. Но Польшу тогда спас император Александр I. Он простил полякам участие в войне, оказавшись, таким образом, их благодетелем.

На Венском конгрессе 1815 года произошел новый (четвертый) раздел польских земель, по которому к России отошла часть Варшавского герцогства под названием

⁷ Трещенок Я. И. Указ. соч. — С. 115–116.

⁸ Трещенок Я. И. Указ. соч. — С. 298–299.

Царство Польское. И с тех пор Польша, с ее неудержимым стремлением к независимости, стала постоянным источником внутренних проблем для Российской империи и особенно ее западных территорий, источником, оказывавшим негативное влияние на всю государственную жизнь.

Александр I предоставил Польше весьма прогрессивную конституцию: страна получила собственный сейм, судебную и финансовую систему, полицию и вооруженные силы, таможенную границу с Россией. Все образовательные и административные учреждения функционировали на польском языке.

Однако конституция 1815 года очень скоро сделалась камнем преткновения и источником недоразумений между поляками и русским правительством. Уже на втором сейме 1820 года проявилось резко оппозиционное настроение: не были приняты предложенные правительством проекты законов. Третий сейм 1825 года привел почти к формальному разрыву между поляками и российским правительством. Незадолго до этого (ок. 1817 года) в Польше начали формироваться тайные общества, которые взяли на себя подготовку вооруженного восстания. Майор Валериан Лукасинский основал общество национальных масонов. Существовали еще общества «патриотов», «друзей», «променистов» (в Вильне), «тамплиеров» (на Волини) и др. Дважды представители тайных польских обществ пытались войти в сношение с декабристами, но переговоры ни к чему не привели. Шла пропаганда и в армии через сочувствовавших идее восстания офицеров, в результате чего в некоторых полках возникли революционные кружки. Начавшемуся движению широко содействовало католическое духовенство. В стороне оставался один лишь простой народ.

Надежды поляков заметно оживились после объявления Россией в 1828 году войны Турции.

В конце 1830 года в Варшаве вспыхнуло восстание. 13 января 1831 года сейм объявил династию Романовых лишеной польского престола, и вскоре началось военное противостояние. Однако осенью того же года, после многочисленных и кровопролитных столкновений, русские войска подавили восстание. В результате конституция 1815 года в Царстве Польском была упразднена, ликвидированы польский сейм, армия, национальные деньги, отменена большая часть автономных прав.

Тем не менее не прерывавшаяся революционная деятельность польской эмиграции, даже после подавления восстания, держала все Царство Польское в постоянном напряжении, и только железный режим наместника, князя Ивана Федоровича Паскевича, не допускал серьезных осложнений. При этом поляки пользовались любой возможностью противостоять России. С началом Крымской войны 1853–1856 годов руководство главного революционного союза польской эмиграции — «Демократического общества», основанного еще в 1832 году, выслало в Польшу эмиссаров с целью поднять восстание, но призывы их не имели успеха. Тогда решено было сформировать польские легионы для борьбы с Россией на театре военных действий. Чтобы организовать польское войско, в Стамбул отправился известный польский поэт Адам Мицкевич. Впрочем, хлопоты польских патриотов окончились почти ничем. Лишь польский писатель Михаил Чайковский, принявший магометанство с именем Мохаммед Садык-паша и перешедший на турецкую службу, набрал отряд так называемых султанских казаков, состоявший из поляков, армян, цыган, евреев, турок и др., с которым принял участие в военных действиях против России. Еще горсть

поляков действовала на Кавказе против русских войск, помогая черкесам.

Об этом времени один из виднейших деятелей польского национального движения Оскар Авейде впоследствии писал: «Исповедуя старую веру и видя безвыходное положение края, восторженные деятели наши проповедовали нам, что главным врагом нашим является русское правительство, что единственные узы, могущие существовать между ним и нами, это узы вечной непримиримой ненависти и недоверия; что спасти отечество можно только войной, восстанием...»⁹.

Несмотря на постоянные провокационные действия поляков в отношении России, император Александр II, вступив на престол, заметно смягчил жесткий курс в отношении Царства Польского. Была объявлена амнистия участникам восстания 1830–1831 годов, снята цензура с произведений некоторых революционно настроенных польских писателей, в том числе и А. Мицкевича. В 1857 году в Варшаве была открыта медико-хирургическая академия и учреждено Земледельческое общество. Однако именно с этого времени поляки начинают предпринимать попытки организации нового восстания. Кроме нескольких тайных обществ обычного типа, повсеместно организуются революционные кружки по системе «троек», призванные в совокупности составить громадную и тесно сплоченную организацию. Каждый рядовой член кружка знал только двоих участников и десятника, чем значительно затруднялось для властей раскрытие заговора.

Новые волнения в Царстве Польском начались в период наместничества князя Михаила Дмитриевича

⁹ К истории польского восстания 1863 г. (Неизвестная рукопись Оскара Авейде: «Краткий очерк последних событий в Польше 1861–1864 гг.») // Красный архив. – 1933. – № 2. – С. 110.

Горчакова. Первой открытой манифестацией стали устроенные молодежью 10 июля 1860 года торжественные похороны вдовы деятеля 1831 года генерала Совинского. Более значительными оказались манифестации 15 февраля 1861 года, ознаменовавшие 30-летнюю годовщину восстания и особенно годовщину Гроховского сражения.

Манифестации готовились заранее. Начиная с ноября 1860 года из всех бывших польских провинций в Варшаву приглашались помещики, в обществе открыто говорили о праздновании годовщины «революции» 1831 года. В феврале 1861 года в Варшаву съехалось более 2000 человек под предлогом генерального заседания Земледельческого общества. Жители столицы еще с осени подготовились к уличным беспорядкам. Нужны были, как говорили помещики, жертвы. 15 февраля толпа народа под видом религиозной процессии двинулась с шумом к замку и, встретившись в Краковском предместье с войсками, начала бросать в военных камнями и грязью. В ответ раздались выстрелы. Хотя солдатам приказали стрелять вверх, все же по неосторожности было убито пять человек, один из которых находился на балконе дома. Цель была достигнута — жертвы пали, «минута сделала их мучениками свободы». За этим последовало величественное погребение погибших, начался глубокий траур и, вместе с тем, польские деятели стали шуметь перед Европой о беззащитности мирного населения и варварстве русских. Эта трагедия, так искусно использованная, увеличила симпатию к полякам даже среди многих русских, находившихся в Царстве Польском.

После описанных событий многие члены Земледельческого общества сразу же разъехались по провинциям, чтобы настроить там против российского правительства сельское население. Они собирали в своих имениях народ и

рассказывали разные небылицы о Варшаве, например, «что москали порубили святой крест и убивали помещиков за то, что те хотели отдать бесплатно народу землю»¹⁰.

Помещиков открыто поддерживало католическое духовенство. Однако крестьяне, хладнокровно и с недоверием выслушивая тех и других, отвечали тем, что отказывались работать на помещиков. Вскоре отказ от панщины принял массовый характер, захватив десятки тысяч крестьян. «Если правда, — резонно замечали они, — что вы хотели дать нам землю, так зачем же вы теперь требуете от нас панщины?» Видя опрометчивость своей агитации, помещики обратились за помощью к местной администрации с требованием применения к крестьянам экзекуций. Были посланы военные команды, строго наказывавшие крестьян, которым пришлось по-прежнему отбывать панщину. После ухода команд помещики, указывая на экзекуции, ими же вызванные, стали убеждать крестьян в нерасположении правительства к сельскому населению, призывали не надеяться на правительство, а полагаться во всем лишь на помещиков, которые якобы только одни и могут устроить общее благополучие. Такая пропаганда, хотя и волновала крестьян, однако не поколебала их верность царю и российскому правительству.

Мощным толчком к восстанию послужил манифест 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права. Манифест с сокрушительной силой ударял по материальному благосостоянию польской знати, столетиями строившемуся на безжалостной эксплуатации крепостного крестьянства.

¹⁰ Относительно слухов о том, что помещики планировали отдать крестьянам землю, нужно заметить, что Земледельческое общество высказывалось лишь за необходимость замены панщины денежным чиншем и за выкуп крестьянами своих наделов путем постепенного погашения капитала.

Известие об освобождении крестьян в России разошлось и в Польше. Здесь надежда крестьян на монаршую милость проявилась в характере чисто враждебном к помещикам, в недоверии к ксендзам и местной администрации, так что крестьяне нередко обращались с жалобами или вопросами к «русским» священникам или начальникам военных команд, надеясь от них узнать правду.

Между тем в Варшаве, после февральских манифестаций, из выборных лиц образовался комитет общественной безопасности, а охрана порядка в городе была отдана в руки гимназистов и студентов. Клуб купеческого собрания превратился в политический. «Городом и целым краем управляла Варшавская делегация, делегацией — клуб, а клубом — толпа и молодежь», — вспоминал Оскар Авейде. Религиозные и нерелигиозные манифестации буквально посыпались по всему Царству Польскому и Западным губерниям¹¹.

В начале апреля в Варшаву прибыл маркиз Александр Велепольский с новой системой управления, которую он и возглавлял. Велепольский сразу же запретил Земледельческое общество, Варшавскую делегацию, полицию и Купеческий клуб, а также публичные собрания и пение. По его указанию на площадях были расставлены солдаты. Естественно, эти меры вызвали недовольство варшавского общества, и оно решило выразить протест. 7 апреля масса горожан, собранная на площади возле здания кредитного общества, разными улицами двинулась к замку. Наместник князь Горчаков выехал на площадь и с кротостью уговаривал толпы разойтись по домам. Отвечая на его увещевания оскорблениями, толпа требовала удалить с площади войска. Великодушный

¹¹ Западными губерниями, или Западным краем (Северо-Западным краем), в литературе, как правило, именовались губернии Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская и Витебская.

князь, не желая пролития крови, приказал военным отойти. В толпе раздались крики: «Победили! Победили!» — и вся масса народа двинулась от замка в разные части города. На другой день, 8 апреля, повторилась та же история, однако на этот раз власти уже вынуждены были применить вооруженную силу и решительно воспретить уличные беспорядки.

С этого времени единственным местом политических демонстраций стали костелы: там зазвучали революционные гимны и с неимоверной быстротой распространились по всему краю.

Смерть князя Горчакова, умершего в мае 1861 года, поляки отпраздновали торжеством: носимый до этого траур был сброшен на три дня во всем Царстве Польском, в публичных местах играла музыка, в частных домах устраивались танцы. С новой силой возобновились уличные беспорядки, развившись почти до анархии. В Варшаве публично продавали печатные воззвания и плакаты с разнообразными символическими украшениями. В них проповедовались ненависть к «москалям» и восстановление старой Польши с Литвою и Русью. Жители Варшавы приглашались на «набоженство» от имени сословия, цеха, корпорации и т. д. Перед этим собирались деньги по домам, магазинам, мастерским, кондитерским от имени заказывавших «набоженство», и горе тому, кто отказывал в пожертвовании. Анархия, которой покровительствовали ксендзы, развилась до того, что разбивали кондитерские, грабили магазины и мастерские, избивали до полусмерти, разрезая щеки и отрезая уши не только мнимым шпионам, но даже лицам, просто подозреваемым в недостатке патриотизма. Провинции во всем подражали Варшаве.

Несмотря на нарастающее политическое напряжение в Царстве Польском, император Александр II продолжал политику примирения и уступок. Еще в марте 1861

года появился указ, даровавший Царству Польскому автономию. Создавался Государственный совет Царства — высший совещательный и контрольный орган. Формировалась польская гражданская администрация и выборное местное самоуправление — губернские, уездные и городские советы¹². Однако надежды российского правительства на водворение порядка примирительной политикой и реформами не давали желаемого результата. Покушения на жизнь нового наместника Царства графа Александра Лидерса, великого князя Константина Николаевича и маркиза Александра Велепольского, а также все возраставшие волнения требовали более решительных мер. С целью изолировать опасные элементы по решению Велепольского на 3 января 1863 года был объявлен рекрутский набор, причем в списки призывников внесли большей частью участников манифестаций. Эта недальновидная мера, по сути, спровоцировала начало открытого восстания. Уклонившиеся от набора бежали в леса, к ним присоединялась мелкая шляхта, официалисты, аппликанты, экономы, дворовые люди помещиков, и таким образом образовались первые повстанческие отряды. Общее руководство восстанием приняло на себя так называемое временное народное правительство — «жонда народóвы». Начавшись в Царстве Польском, восстание вскоре распространилось на территории Белоруссии и Литвы, где оно было инициировано и поддержано в основном местным польским элементом и католическим духовенством.

Говоря о состоянии Западных губерний, и в частности Белоруссии, накануне восстания, нужно отметить, что здесь практически вся гражданская власть находилась в руках поляков, относившихся с нескрываемой ненавистью и презрением к русскому правительству. Если в Царстве Польском, с преобладавшим польским населением,

¹² Воронин В. Е. Польское восстание 1863–1864 гг. — <http://www.portal-slovo.ru/rus/history/49/61/111/>

революционные идеи находили относительно широкое сочувствие, то в Белоруссии и Литве оппозицию русскому правительству в основном составляло польское или ополяченное дворянство — шляхта и католическое духовенство. Эти сословия, имевшие огромное влияние и значение во времена Речи Посполитой, пользовавшиеся привилегиями и обладавшие большими богатствами, теперь всеми силами стремились к их возвращению — к «отбудованию» старой вольной Польши. При этом надо отметить, что дворянство в крае имело исключительное влияние на материальную и культурную стороны общественной жизни. Почти 3/4 земельных угодий, то есть главного богатства края, принадлежали помещикам польского происхождения. О преобладании польской культуры нечего и говорить. В то время как русские школы только начинали появляться, здесь царила польская книга, польская газета, польская наука, разговорным языком был польский, на котором велась часто и официальная переписка. Вот что писал по этому поводу польский революционер С. И. Сераковский: «Что такое Западный край? Высший и средний класс в нем составляют поляки, или, точнее говоря, литовцы и русские, которые добровольно приняли польский язык, польские стремления — одним словом польскую цивилизацию. Все, что думает об общественных делах, все, что читает и пишет в Западном крае, — все это целиком польское»¹³.

Представляя сплоченную общественную группу, объединенную национальными корнями и общей политической идеей, польское дворянство, за самым небольшим исключением, входило в так называемую партию «белых», исходным пунктом политической программы которой было восстановление шляхетской Польши в пределах 1772 года, то есть в границах Речи Посполитой. Способом привлечения на свою

¹³ Цит. по: Лазутко С. А. Революционная ситуация в Литве 1859–1862. — М., 1961. — С. 183.

сторону местного непольского населения партия считала его ополячивание и окатоличивание, главным орудием чего было образование и прежде всего школа.

Не обращая внимания на теоретические рассуждения местной русской администрации о недопустимости навязывания польского языка всему населению Западных губерний, помещики усиленно открывали сельские, ремесленные и воскресные школы с преподаванием на польском языке, заводили библиотеки, наполненные тенденциозной польской литературой¹⁴. Они всячески стремились взять дело образования в свои руки и утвердить здесь свое влияние.

В этом стремлении им способствовал главным образом недостаток школ при возрастающей тяге к образованию и недостаток русских культурных сил в крае. Приходские училища в финансовом отношении находились в полной зависимости от городских управлений, и там, где состав этих управлений был польским, поляки, естественно, имели решающее влияние: преподавательский состав подбирался по их усмотрению, все русское вытеснялось, и, напротив, поощрялось все польское¹⁵.

Кроме того, поляки начали повсеместно открывать частные школы. Ксендзы устраивали школы при костелах, помещики — при своих имениях. Преподававшие в них учителя, не имея часто никакой специальной педагогической подготовки, отвечали лишь личным требованиям устроителей школ. Обучение там велось на польском языке, учебники, одобренные Министерством народного просвещения, заменялись своими, составленными на польский лад. Вот один из типичных случаев, иллюстрирующих влияние поляков на школьное образование. Произошел он в народной школе

¹⁴ Белецкий А. В. Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России. — Вильно, 1902. — С. 24.

¹⁵ *Утрата Сергей, диакон*. Восстание 1863—1864 гг. и церковная жизнь в Белоруссии (рукопись). — Жировичи, 2000. — С. 13—14.

Новоселковского прихода в Игуменском уезде Минской губернии. В 1861 году местный помещик-поляк Крупский неожиданно начал оказывать материальную помощь школе, и вскоре там появился учитель, студент Киевского университета, некто Легенза — протеже помещика Крупского. Как-то раз, когда в школе отсутствовал местный священник Фома Русецкий, Легенза принес в класс картины из Священной истории и при объяснении одной из них — «Распятие Спасителя», указывая на римских воинов, сказал: «To są moskale» (это москали)¹⁶. Случай этот стал известен и вызвал возмущение священника, запретившего Легензе преподавать все, кроме русской грамоты. В 1862 году помещик Крупский открыл школу в собственном доме, где Легенза начал учить детей на польском языке и в польском духе¹⁷.

Цель была одна — взяв в свои руки воспитание молодежи, сделать из нее «добрых поляков». Ни помещики, ни ксендзы этого не скрывали. Но школа была лишь одним из орудий в руках польского дворянства. В ход шли и другие меры влияния на простой народ.

Чуждое народу, неспособное приблизиться к нему по духу, польское дворянство с целью вовлечь крестьянскую массу в повстанческое движение все же искало сближения

¹⁶ Летопись Новоселковской Покровской церкви, Игуменского уезда // Минские епархиальные ведомости. — 1877. — № 20. — С. 413.

¹⁷ Упомянутая школа по ходатайству Минского Преосвященного Михаила (Голубовича) в том же 1862 г. была закрыта, а Крупский попал на несколько месяцев под арест в г. Игумен. В 1863 г. во время начавшегося польского восстания в Новоселки пришел польский отряд, чтобы расправиться со священником Фомой Русецким. Однако отряд был встречен местными крестьянами, которые пытались защитить своего священника. Поляки пустили в ход оружие — четверо крестьян были убиты и десять человек ранены. Благодаря мужеству крестьян повстанцы не осмелились вступить в селение, а вынуждены были уйти в лес. Вместе с ними ушел и Легенза. Впоследствии помещик Крупский за причастность к восстанию был сослан на каторгу.

с ним. Соприкасаясь с народом в обыденной жизни, помещики всячески старались привлечь крестьян на свою сторону: читали им революционные прокламации и многообещающие манифесты, заставляли учить и петь польские гимны, старались вовлечь в антиправительственные манифестации, в дни польских национальных праздников освобождали от барщины. Однако очевидно, как много лжи, лицемерия, неискренности было в этих заигрываниях помещиков с подневольным народом, чье человеческое достоинство столетиями ими же унижалось, религиозные чувства оскорблялись, а весь уклад жизни презирався. Теперь же они в своих прокламациях называли народ братьями и внушали, что «русский царь ничего для них хорошего не сделал», почему и надо восстать на него войной. Но помещикам не нужны были крестьяне-братья, им нужна была грубая мужицкая сила для успешной борьбы за польские национально-сословные интересы.

Прямую заинтересованность в восстании имело и католическое духовенство. Сформировавшееся в стройную политическую организацию еще со времен польских королей, оно было проникнуто стремлением расширить церковные владения Папы и вернуть привилегированное положение в обществе путем восстановления старой Польши с господством в ней католицизма и польского духовенства.

Как уже отмечалось, ко времени восстания поляки в Белоруссии служили практически во всех правительственных учреждениях. Наиболее влиятельную и сплоченную группу представляли дворяне-чиновники, служившие по выборам: предводители дворянства, уездные судьи и мировые посредники. Первые, утвержденные в должностях Сенатом, имели большую независимость и даже не могли сменяться местными губернаторами. Такое привилегированное

положение предоставляло им прекрасную возможность проводить антиправительственную политику. Главными же действующими лицами, влиявшими на народ, были мировые посредники. Близко общаясь с крестьянами, они воздействовали на них своей властью, чтобы те беспрекословно слушались помещиков. Действуя через подчиненных себе сельских писарей, старшин и старост, мировые посредники старались настроить крестьян против правительства, представляя его действия в превратном свете. Кроме того, пользуясь свободой в передвижении, они, под предлогом служебных обязанностей, оказывались душой всех съездов и собраний дворянства, имевших целью подготовку восстания¹⁸.

Отсутствие твердой и согласованной политики русского правительства в деле управления Западными губерниями, преобладание среди чиновников лиц польского происхождения, покровительство польским магнатам в высших правительственных сферах, недостаточный контроль над деятельностью общественных организаций и школ, находившихся в руках поляков, создали такое положение в крае, что польское влияние здесь стало преобладающим и революционная пропаганда встречала весьма слабое сопротивление, а иногда и никакого¹⁹.

Продолжительное польско-католическое влияние наложило заметный отпечаток на весь облик края. Для российских чиновников, приезжавших сюда в этот период, край представлялся католическим и польским. Официальные докладные записки и мемуары наглядно свидетельствуют, как поражало их на первых порах множество католических часовен, придорожных крестов и статуй, богатство и величание костелов и бедность православных церквей, часто

¹⁸ *Утрата Сергей, диакон.* Указ. соч. — С. 17–18.

¹⁹ Там же. — С. 19.

ветхих и тесных. Даже более новые из них имели архитектуру униатских церквей, близкую к костелам. Несмотря на то что со времени воссоединения униатов прошло уже несколько десятилетий, православное сельское население не оставило усвоенных униатских привычек. При встречах крестьяне вместо обычного приветствия «здравствуйте» говорили: «Нех б́эндзе похвалéны Езус Хры́стус», в церквах ложились «кшы́жем», ползали на коленях, пели католические «ка́нтычки», после православной обедни шли в костел слушать «казáния» (проповедь) ксендза, а в торжественные дни вместе с католиками участвовали в костельных процессиях, носили хоругви, кресты и т. п.²⁰ Все это, конечно же, содействовало латино-польской пропаганде и нередко завершилось совра́щением православных в католичество.

Не избежало в определенной степени полонизации и православное духовенство. Знание польского языка здесь было обусловлено жизненной необходимостью, так как на нем говорила бо́льшая часть администрации края, только на этом языке можно было объясняться с помещиками. Последние же в то время владели не только почти всей землей, добывающей и обрабатывающей промышленностью, но держали в своих руках и всю власть. При таком положении всякий помещик в приходе представлял силу, часто всемогущую, которую не осмеливалось ослушаться иногда даже епархиальное начальство, а тем более бедный сельский священник, поставленный при своей нищете и жалком обеспечении в материальную зависимость от пана, враждебного ко всему русскому и православному и не допускавшего в разговоре никакого языка, кроме польского. Материальная зависимость от помещика и крестьян унижала общественное

²⁰ Миловидов А. И. Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной Церкви в Северо-Западном крае. — Харьков, 1900. — С. 39.

положение православного священника и саму веру, которую он исповедовал. Не находя защиты ни в законе, ни у епархиального и гражданского начальства, духовенство было вынуждено ладить с помещиком-католиком, говорить на его языке, унижаться, стоять в передней, а иногда и «падать до ног»²¹.

Практически при полном отсутствии в крае православного дворянства, чиновничества, купечества и мещанства представителями православного исповедания являлись лишь крестьяне и духовенство. Сравнение бедного, приниженного православного духовенства с более обеспеченным и уважаемым католическим приходило само собой и не могло не свидетельствовать о внешнем превосходстве последнего. Ближайшим выводом из этого было заключение, что православие — действительно есть «вера хлѳпская»²². Однако при всем этом именно православное духовенство часто оказывалось единственным представителем забитого, угнетенного сельского люда, защитником его человеческих прав и достоинства, единственным поборником за его «хлѳпскую веру» и «хлѳпскую народность».

Такая атмосфера царила в Белоруссии и Литве накануне польского восстания 1863–1864 годов. Само восстание, имевшее значение для поляков, помещиков, ксендзов и вообще для коренной Польши, не имело никакого смысла для православного белорусско-литовского населения Западных губерний. Великое заблуждение поляков было в том, что белорусско-литовские земли они считали своей законной вотчиной, а их население — рабской силой, призванной обеспечивать благосостояние своих владетелей. Национальное самосознание народа вообще не принималось в расчет, его

²¹ *Утрата Сергей, диакон.* Указ. соч. — С. 21–24.

²² *Миловидов А. И.* Указ. соч. — С. 56.

просто не существовало для польской знати. Местное население, по ее мнению, могло что-то значить лишь в сени польской культуры. Но в этом коренился залог неуспеха польских начинаний. Оторванные от жизненных реалий, польские политические амбиции и устремления были обречены на полное фиаско, и история это доказала. Но тогда польское восстание обернулось очередной трагедией для жителей нашего края, принеся народу немало горя, слез и страданий. Среди многих невинно убитых повстанцами были и православные церковнослужители. О двоих из них — священнике Данииле Конопасевиче и псаломщике Федоре Юзефовиче, оказавшихся в водовороте тех трагических событий, я и хочу рассказать.

Глава II

Иерей-мученик Даниил

Даниил Конопасевич²³ родился в 1832 году в селе Дороги Бобруйского уезда Минской губернии. Отец его Стефан Гаврилович служил настоятелем местной Рождество-Богородицкой церкви и сам происходил из семьи священника. После окончания в 1821 году «курса философии» в Минской духовной семинарии он несколько лет служил канцелярским служащим в Минской духовной консистории. 22 ноября 1825 года состоялось его посвящение в сан священника с назначением настоятелем в село Дороги²⁴. Место это — древнеродовой приход — Стефан Конопасевич получил из рук священника Иоанна Минкевича, женившись на его дочери Матрене. Дорожский приход был замечателен тем, что на протяжении более 200 лет принадлежал священническому роду Минкевичей, переходя от отца к сыну. При этом все священники здесь носили непременно одно заветно наследственное имя — Иоанн Иоаннович. Интересно, что эта традиция продолжалась в роду Минкевичей вплоть до первых десятилетий XX столетия. Но самое главное то, что род Минкевичей был известен своим древним православием и никогда не переходил в унию на протяжении всего ее существования²⁵.

²³ В делопроизводственной документации и литературе фамилия чаще всего встречается как Конопасевич, сами же ее носители подписывались обычно Канапасевичами.

²⁴ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40734. Л. 57 об.

²⁵ *С[вященник] П[етр] С[ущинский]*. К воспоминаниям о священнике Богусевичской церкви Д. Конопасевиче // Минские епархиальные ведомости. — 1909. — № 11. — С. 262–263.

Происходя из древнего православного рода, мать будущего пастыря-мученика Матрена Ивановна была женщиной глубоко религиозной. Святые традиции православного благочестия и христианского патриотизма она сумела привить и детям: Анастасии, Даниилу, Константину, Ольге и Анне²⁶.

Получив хорошие религиозно-нравственные задатки в родительском доме, Даниил продолжил воспитание и образование в Слуцком духовном училище, после окончания которого в 1849 году поступил в Минскую духовную семинарию. По внутреннему складу, силе убеждений и взглядов Даниил уже в юности обращал на себя внимание окружающих удивительной целостностью и возвышенностью натуры, отличаясь всегда редким прямодушием, искренностью и неподкупной честностью. Среди высоких идеалов в душе юноши была заложена и глубокая любовь к Родине, ко всему родному.

Будучи с раннего детства воспитанным в православно-русских традициях, Даниил инстинктивно чуждался всего католического, польского и даже самих поляков, глядя на них всегда с некоторым недоверием. По воспоминаниям школьных товарищей, он будто по какому-то тайному предчувствию души старался избегать не только общества поляков-сверстников, но по возможности и встреч с ними. Еще в годы учебы в Слуцком духовном училище, когда бурсаки так или иначе сходились с гимназистами, большей частью выходцами из польских семей, Даниил сторонился подобной компании.

²⁶ Анастасия впоследствии стала женой священника Голынской церкви Ильи Андреевского; Константин служил управляющим канцелярии Минского губернатора, позднее исправником в г. Рогачеве; Ольга умерла в юности; Анна стала женой судебного пристава Подагоровского.

Есть сведения, что семья Даниила в годы учебы его в семинарии пострадала от соседей помещиков-поляков. Как-то во время проезда по Слуцко-Бобруйскому шоссе императора Николая I и перемене им в селе Дороги лошадей, местные крестьяне подали государю жалобу о непомерном притеснении их помещиком-поляком. Составление жалобы местные паны по одному лишь домыслу всецело приписали дорожскому священнику Стефану Конопасевичу, хотя никакого отношения к этому он вообще не имел. В результате, их совместными усилиями семья Конопасевичей вскоре оказалась разорена, а священник Стефан — смещен с благоустроенного наследственного Дорожского прихода на бедный и расстроенный приход Кринки²⁷.

В июле 1855 года Даниил Конопасевич окончил полный семинарский курс. Желая принять священнический сан, он в сентябре обратился с прошением к преосвященному Михаилу (Голубовичу), архиепископу Минскому и Бобруйскому, с просьбой о выдаче ему «билета» на брак. «Известно мне, — писал Даниил в прошении, — что никто, по правилам нашей Православной Церкви, не должен просить себе Священства иначе, как только по назначении к известной Церкви или приходу, и по вступлении в законный брак. А потому, будучи одушевлен сильным желанием иметь Священный сан, покорнейше прошу, по усмотрению Вашего Высокопреосвященства, предоставить за мною приход и повелеть, кому следует, выдать мне Билет на женитьбу»²⁸.

²⁷ В 1853 г. на Дорожский приход был назначен священник Антоний Савич (1830—1901), видимо, это и есть время, когда Конопасевичи вынуждены были переместиться на другой приход.

²⁸ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 26597. Л. 1.

К этому времени Даниил уже имел невесту. Это была семнадцатилетняя девушка, круглая сирота, дочь соборного священника уездного города Дисна Виленской губернии Елена Ивановна Турцевич. После смерти родителей она с младшей сестрой Александрой жила и воспитывалась у деда по матери — священника Михаила, служившего в то время в селе Лошница Борисовского уезда Минской губернии²⁹.

Получив разрешение епархиального начальства, Даниил и Елена 19 февраля 1856 года обвенчались.

Подготавливая документы к рукоположению Даниила Конопасевича в священнический сан, епархиальное начальство запросило отзыв о нем по месту жительства у бобруйского благочинного протоиерея Иоанна Филипповского. В рапорте благочинный сообщал, что «Даниил Стефанович Конопасевич, проживав в Бобруйском благочинии, вел себя очень хорошо и занимался составлением проповедей, которые и произносил в разных церквях»³⁰.

Перед рукоположением Даниил Конопасевич принес так называемую генеральную верноподданническую присягу императору Александру II и его наследнику великому князю Николаю Александровичу. В частности, в ней говорилось: «Аз нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорского Величеству ... верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к Высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять и при том, по

²⁹ Там же. Л. 7.

³⁰ Там же. Л. 4.

крайней мере, стараться споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и недопускать тшцатися, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, ... и как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как суше мне Господь Бог душевно и телесно да поможет»³¹.

22 апреля 1856 года в Минском кафедральном соборе архиепископ Михаил рукоположил Даниила Конопасевича в сан диакона, а через неделю, 29 апреля, в сан священника. 16 мая иерей Даниил получил «ставленную» грамоту с назначением к Крестовоздвиженской церкви в местечко Богушевичи Игуменского уезда³² на место служившего там ранее священника Михаила Малевича.

Местечко Богушевичи, куда отправился на служение отец Даниил, располагалось в 28 верстах от уездного города Игумена³³, возле реки Уса, при военно-коммуникационной дороге из Бобруйска в Борисов. Местная приходская церковь была деревянная, «утварью и облачением бедна»³⁴. В состав прихода кроме местечка входили деревни: Головное Лядо, Калюга, Устья, Задобриче, Горки, Горецкая Слобода, Буково, Ганута, Малая Ганута и Подволожка. Прихожан насчитывалось менее полутора тысячи душ. Все они были крестьянского сословия и занимались исключительно земледелием.

Имение Богушевичи в то время принадлежало польским магнатам Свенторжецким. В полуверсте от местечка на горе у реки Уса возвышалась их богатая усадьба. Напротив

³¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 26597. Л. 11–11 об.

³² Там же. Л. 14.

³³ Ныне город Червень Минской области.

³⁴ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40822. Л. 9.

усадыбы владельцы строили небольшой каменный костел в готическом стиле. От местечка усадьбу отделял огромный панский фруктовый сад.

Кроме Богушевич Свенторжецким принадлежали и другие имения, общая площадь которых равнялась едва ли не целому уезду. Одним словом, это были крупные и весьма зажиточные землевладельцы, пользовавшиеся большим влиянием среди окрестных помещиков.

До этого всеми делами в имении заправляла его хозяйка — Анна Алексеевна, прозываемая местными крестьянами Свенторжечиха. Пользуясь слабоволием мужа Чеслава Фаддеевича, она самовластно распоряжалась всем и во всем. В округе Свенторжечиха была печально известна чрезвычайным немилосердием в отношении к собственным крепостным «хлбпам». Своей редкой жестокостью она уступала разве что пресловутой пани Паулине Стоцкой (урожд. Богуш), сосланной в Сибирь за крайне жестокое обращение с крестьянами. Вот несколько примеров жестоких выходок богушевичской помещицы, запечатлевшихся в народной памяти.

Как-то к Свенторжецким в Богушевичи съехалось множество гостей, и пани Свенторжецкая для чего-то потребовала у жителей сразу сотню лошадей. Однако крестьяне не смогли вовремя выполнить это требование. Тогда разгневанная помещица приказала отобрать у населения все заготовленные для отопления дрова. А между тем надвигалась зима. Чтобы не погибнуть от холода, жители местечка стали семьями переходить к соседям, а пустые жилища разбирать на дрова. В конечном итоге пришлось спалить большую часть домов, после чего около 300 семей вынуждены были покинуть Богушевичи и искать пристанища в других местах³⁵.

³⁵ *Самуэвіч В. Эканамічна-культурнае становішча мястэчка Багушэвічы // Наш край. — 1927. — № 3. — С. 30.*

Рассказывали, что своих прачек за неаккуратную стирку или глажение белья Свенторжечиха наказывала тем, что приказывала провинившихся гладить горячим утюгом по голому телу. Случалось, что за небольшие провинности после обычной экзекуции на конюшне виновных по ее распоряжению ставили в сажалку (копанный пруд), привязав веревкой к специально приспособленному столбу. В осеннюю стужу многие не выдерживали этой пытки и мучительно умирали от побоев и переохлаждения³⁶.

В конце концов, местная власть, долгое время закрывавшая глаза на дикие выходки помещицы, вынуждена была все же обратить должное внимание на многочисленные жалобы. Губернское начальство снарядило следствие, которое действительно выявило немалое число смертельных случаев среди богушевичских крестьян от телесных истязаний. По приговору суда супругов Свенторжецких лишили права проживать в имении Богушевичи и выслали оттуда, а Чеслав Свенторжецкий, кажется, даже провел некоторое время в остроге. Позже Анна и Чеслав Свенторжецкие поселились близ Минска в имении Трясковщина (Тржасковщи́зна)³⁷.

Некоторое время имением Богушевичи управлял назначенный дворянской опекой некий поляк — пан Довнар. Но вот пришло время, и в Богушевичи прибыл, окончивший в 1853 году образование в Виленском дворянском институте, единственный сын и наследник Свенторжецких — Болеслав³⁸. Женой его была пани Лаура Казимировна Завадская,

³⁶ Мальцев Евгений, священник. На могилу о. Даниила Конопасевича // Минские епархиальные ведомости. — 1908. — № 23. — С. 766—767.

³⁷ С[вященник] П[етр] С[ущинский]. Указ. соч. — С. 267—268.

³⁸ **Свенторжецкий Болеслав Чеславич** (1831—1888) — помещик. Родился в г. Минске. В 1853 г. окончил полный курс Виленского дворянского института, поступив на службу писарем в Минское дворянское депутатское собрание. Принял активное участие в восстании 1863—1864 гг. — исполнял обязанности комиссара объединенных повстанческих отрядов, действовавших в 1863 г. в Игуменском уезде Минской губернии. После восстания бежал за границу, где и умер.

племянница известного богача-магната Льва Ошторпа³⁹, бывшего, между прочим, крестным самого Болеслава. Молодой Свенторжецкий особыми талантами не выделялся и служил писарем в Минском дворянском депутатском собрании. Однако владение обширными имениями делало его весьма амбициозным. Проживал он то в Богушевичах, то в одном из имений супруги — Черкасах, недалеко от Минска, видимо, чтобы быть ближе к службе.

Болеслав заметно отличался от родителей более человеческим отношением к крестьянам, но порой и у него проявлялась наследственная гневливость. Так, например, Свенторжецкий задержал как-то в лесу Анну Лукшу из деревни Осаново, собиравшую недалеко от его имения ягоды. Отобрав ягоды, помещик жестоко избил крестьянку. В другой раз он передал полиции список людей, которые якобы совершили порубку в его лесу, чего в действительности не было. Крестьян за это арестовали и подвергли экзекуциям в полиции⁴⁰. В 1859 году возникло дело по обвинению Болеслава Свенторжецкого в том, что он выстрелил из ружья в крестьянина имения Леонорово Василия Харлановича при порубке им господского леса. Однако вину Свенторжецкого доказать не удалось⁴¹.

Впрочем, проявлявшиеся по временам у Болеслава вспышки гнева благополучно уташались его супругой Лаурой, которая, имея по природе мягкий и добрый характер, умиротворяюще влияла на мужа.

³⁹ **Ошторп Лев Францевич** (†1851) — действительный статский советник, командор Мальтийского ордена и кавалер разных орденов, владелец имения Дукора Игуменского уезда Минской губернии. Во время войны 1812 г. служил в Наполеоновской армии против России, однако был прощен императором Александром I и принят на службу. Был в течение 15 лет Игуменским уездным и 25 лет Минским губернским предводителем дворянства (1823–1847).

⁴⁰ Годы испытаний и мужества / Сост. Н. С. Орехов, Н. С. Сташкевич. — Минск: Беларусь, 1973. — С. 18.

⁴¹ НИАБ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 525.

В свое время, живя сиротой на воспитании в доме дяди-магната Ошторпа и видя баснословную, доходящую до сумасбродства, небывалую роскошь его жизни и, можно сказать, королевскую обстановку его дворца — замка в Дукоре⁴², Лаура, благодаря природной наблюдательности, видела, чьими трудами добывается эта роскошь. Дукорские крестьяне действительно стонали под тяжким ярмом богача-владельца. Мало того, Ошторп сумел добиться, чтобы местную православную церковь переделали в костел, а самих православных крестьян принудил перейти в католичество⁴³. Блистательно-роскошная жизнь дяди и рядом вопиющая нищета подъяремных крестьян заставляли молодую пани задумываться над этим контрастом жизни, и в ее душе постепенно созревало сострадательное отношение к простым людям. Такое направление ее душевных чувств еще больше утвердилось после неожиданной гибели дяди-богача во время проезда из Минска в Дукору через реку Свислочь. Ошторп ехал в открытой коляске с тремя дочерьми. Кучер, который вез их, рассказывал, что когда въехали на мост,

⁴² Дукорский замок имел картинную галерею, зимний сад и библиотеку. Обширная прихожая и несколько залов были увешаны сотнями портретов (погрудных и во весь рост): все польские знаменитости и родовые портреты; пани в великолепных нарядах, паны в кунтушах, мундирах польских и наполеоновских; кое-где русские вельможи, монахи, монахини различных орденов, прелаты, польские короли и пр. В других залах — громадных размеров картины: король Ян Собеский в Вене; король Болеслав вступает в Киев, вбивает железные пограничные столбы на р. Днепр и т. п. В самой парадной гостиной, именуемой цесарскою, — две большие картины: Александр I подписывает амнистию полякам; Павел I навещает в Петропавловском каземате Костюшку и жмет ему руку (сцена вымышленная поляками). В другой гостиной одна большая картина: во фраке с русским орденом на шее Ошторп-именинник сидит рядом с разнаряженной женой, три дочери в греческих туниках изображают граций: одна пляшет, другая поет, третья играет на флейте (картина — фамильный сюрприз имениннику).

⁴³ После восстания 1863—1864 гг. храм и жители Дукоры вновь были возвращены в православие.

Ошторп, довольный и гордый собой, сказал: «Теперь тут нет России», но в ту же минуту мост обрушился и экипаж полетел в реку. Место было неглубокое, все остались живы, один только магнат умер, видимо, от апоплексии. Рядом с мостом находилась корчма. Хозяин-еврей с работниками и кучер вытащили тело Ошторпа и положили в корчме, а позже перевезли в замок. Примечательно, что никто из крестьян не пришел проститься с покойным⁴⁴. Зато в Дукору пришло много господ, которых к этому дню Ошторп пригласил на званый обед. Но вместо веселого обеда гости попали на поминки знаменитого богача⁴⁵.

Утвердившись таким образом в добрых и сострадательных взглядах, пани Лаура старалась впоследствии влиять и на Болеслава, смягчая возникавшие в имении напряженные ситуации⁴⁶. В отличие от многих представителей своего круга молодая Свенторжецкая не имела и того презрительного отношения к «хлѳпской вере», которое открыто выказывали паны-поляки к православным, и с неподдельным почтением относилась к богушевичскому священнику Даниилу Конопасевичу.

Надо сказать, что к отцу Даниилу с уважением относилась не только хозяйка имения. Появившись на приходе, он очень скоро снискал к себе расположение прихожан как человек добрый, доступный и некорыстолюбивый. При небольшом по тем временам годовом жаловании в 140 рублей он все требы исполнял даром, за что пользовался

⁴⁴ Корнилов И. Русское дело в Северо-Западной крае. Вып. 1. — СПб., 1908. — С. 228.

⁴⁵ Путевые записки ст. сов. Ф. Д. Воинова, или Воспоминания о пребывании его в Минской губернии с февраля 1865 по 1 мая 1866 года. — СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1891. — С. 43.

⁴⁶ С[вященник] П[етр] С[ущинский]. Указ. соч. — С. 267–268.

особой любовью у бедных крестьян. Кроме того, отец Даниил был и хорошим проповедником. «Паству поучает с усердием», — неизменно характеризовал его местный благочинный в приходской клировой ведомости. Пользуясь уважением среди прихожан, отец Даниил имел определенный авторитет и у соседних священников. Нередко они обращались к нему за помощью в составлении проповедей, особенно священники старшего поколения, бывшие униаты. И отец Даниил никому не отказывал в этой услуге: писал для них проповеди на разные темы и, кроме того, по просьбе тех же священников, малоопытных еще тогда в канцелярской работе, составлял метрические книги, годовые ведомости и отчеты по приходу. Делал это отец Даниил по дружбе, безвозмездно и с полной охотой. За это священники-соседи его любили и, зная, что он никогда не откажет, без всякого стеснения обращались в затруднительных ситуациях⁴⁷.

Вместе с тем отец Даниил жил обычной жизнью сельского священника. Кроме пастырских обязанностей он, так же как и его прихожане, вынужден был вести домашнее хозяйство, разделяя вместе с другими превратности нелегкой селянской доли. Так, в начале лета 1860 года в Богушевичах случился общий падеж скота, не оставивший в местечке ни одного животного. В хозяйстве отца Даниила пало две пары волов, пять дойных коров, три телушки и бычок, общей стоимостью в 184 рубля. Нажитая в течение четырехлетнего хозяйствования скотина составляла все богатство семьи Конопасевичей, у которых уже в это время была годовалая

⁴⁷ Конопасевич А. Воспоминания о жизни и мученической кончине в 1863 году священника Богушевичской Крестовоздвиженской церкви Минской губернии Даниила Стефановича Конопасевича, записанные сыном его, Алексеем Конопасевичем, 15-го ноября 1908 года со слов очевидицы его смерти, жены его, Елены Ивановны // Минские епархиальные ведомости. — 1909. — № 1. — С. 10–13.

дочь Эмилия, а также жила на попечении 16-летняя сестра Елены Ивановны — Александра.

В бедственном положении отец Даниил обратился за помощью к Минскому архиепископу. Рассказывая преосвященному Михаилу о неожиданных убытках, он писал: «В семнадцать дней лишившись всего онаго по случаю падежа, я при крайней своей и без того бедности и при слабости здоровья своего, остался без всякого состояния.

Высокопреосвященнейший Владыко, Всемиловитейший Архипастырь и Отец! Взгляните на постигшее меня, на первом шагу моего бедного хозяйства, бедственное положение, и окажите Архипастырскую милость назначением для меня единовременного пособия»⁴⁸.

Архиепископ Михаил откликнулся на просьбу бедного пастыря и направил в Святейший Синод ходатайство о выделении ему единовременного пособия в 30 рублей серебром. Синод удовлетворил ходатайство и выделил просимую сумму из «процентов остаточного капитала от штатных сумм, на Западные епархии определяемые»⁴⁹.

В январе 1861 года деньги были получены. Хотя эта сумма и не могла покрыть убытков Конопасевичей, но все же позволяла хоть немного оправиться от потери домашнего скота и начать восстанавливать хозяйство. Это небольшое пособие оказалось кстати еще и потому, что в семье Конопасевичей вскоре (12 февраля) родился второй ребенок — Алексей.

Не обходилось все же без эксцессов и с местным помещиком. Как-то весной 1862 года отцу Даниилу как хозяину причтовых владений пришлось, согласно имевшемуся плану, отнести немного в сторону пограничный забор. Узнав об этом, Болеслав Свенторжецкий потребовал перенести забор

⁴⁸ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29327. Л. 1.

⁴⁹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29327. Л. 20.

на прежнее место. Однако отец Даниила отказался сделать это, показав помещику документ. Тогда Свенторжецкий приказал своим дворовым сломать ночью забор. На следующий день священник снова поставил забор «согласно плану», а ночью его опять сломали. Так продолжалось несколько дней, пока Свенторжецкий не написал жалобу на отца Даниила архиепископу Михаилу. При этом он, кажется, подговаривал подать жалобу на священника и некоторых крестьян деревни Горки, за что одарил их какими-то милостями. Но архиерей, сверх ожидания (надо заметить, что владыка Михаил был человеком на редкость пронизательным), разобрал дело согласно проведенному на месте следствию и в своей резолюции одобрил действия отца Даниила. Свенторжецкий же вынужден был извиниться⁵⁰.

Впрочем, по воспоминаниям супруги отца Даниила, отношение Болеслава Свенторжецкого к их семье было вполне доброжелательным, и последний нередко заезжал к ним в дом для бесед с мужем. Но как обстояло дело на самом деле, трудно сказать, так как истинные сердечные помышления остаются зачастую скрытыми от посторонних.

1862 год оказался для отца Даниила особенно скорбным и тяжелым. В этом году скончался его отец⁵¹, умерла двухлетняя дочь Эмилия и сгорела приходская Крестовоздвиженская церковь.

Пожар случился в воскресный день 24 июня через несколько часов после окончания литургии. Церковь загорелась изнутри по неизвестной причине. Деревянный храм сгорел до основания и при том так, что отцу Даниилу ничего не удалось спасти из церковной утвари и хранившихся там денег. Когда он, прибежав первым к церкви, открыл дверь, надеясь что-нибудь спасти, вырвавшийся наружу огонь так

⁵⁰ Конопасевич А. Указ. соч. — С. 13.

⁵¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29853.

быстро охватил все здание, что войти в него стало совершенно невыносимо.

Сразу после пожара приехала пани Лаура и выразила церковной общине искреннее сочувствие. Она приказала рыть пепелище на том месте, где, по указанию отца Даниила, должны были храниться серебряные деньги, и когда копавшие нашли большой оплавленный кусок серебра, она взяла его себе, а отцу Даниилу тотчас же выплатила указанную им потерянную сумму приходских денег.

Люди склонялись к мысли, что пожар в церкви не был случайным. Каждый раз при выходе из храма отец Даниил с церковным старостой внимательно осматривали церковь и тушили все огни, так что в этом отношении сомнений не было. А вот то обстоятельство, что в это время поляки уже активно готовились к восстанию за возрождение Польши, вполне может служить разгадкой к этому печальному происшествию. Нужно заметить, что тогда в деревянных церквях принято было устраивать в притворе, справа и слева, небольшие ризницы и чуланы, куда складывались, между прочим, и жертвуемые крестьянами на церковь полотна и лен, которых могло собираться огромное количество. При желании любой злоумышленник при выходе из церкви мог бросить в такой чулан уголек или кусочек зажженного трута — вот и готов пожар, и при том не мгновенно, а пока уголек не зажжет массы горючего материала. Злоумышленником же мог быть любой из приходивших тогда в церковь католиков. Дело в том, что по причине отсутствия в то время в Богушевичах ксендза окрестные католики, считавшие себя поляками, частенько приходили в православный храм и молились по своим молитвенникам⁵².

⁵² Конопасевич А. Указ. соч. — С. 13–15.

Как бы то ни было, но отец Даниил оказался лишенным места для совершения евхаристии и амвона для проповеди. Выстроить же новую церковь можно было лишь года через два, не ранее, и на это время как бы разрывалось полнокровное единение пастыря со своей паствой.

В приходе имелась приписная кладбищенская церковь в честь Святителя Николая в деревне Горки. Но она находилась в 20 верстах от Богушевич, была крайне ветха и не имела никакой утвари. Для редких служб, совершаемых там несколько раз в год, все необходимое для богослужения привозилось из приходской церкви⁵³. Так что наличие этой церкви никак не решало проблемы.

Между тем в Богушевичах скоро ожидалось водворение ксендза. К этому времени Свенторжецкие уже завершили в местечке строительство каменного костела (филиального), и как раз шла подготовка к его освящению и открытию. Совершенно реальной становилась ситуация, когда православные крестьяне, не имея своего храма, а отчасти привлекаемые органной музыкой, пошли бы в костел.

Вскоре после пожара церкви к Болеславу Свенторжецкому в Богушевичи съехались все окрестные помещики на какое-то совещание. На следующий день Свенторжецкий отправил жену Лауру с двухлетней дочерью Софией за границу, а сам куда-то исчез из Богушевич на целый год, до апреля 1863 года...

Во время его отсутствия Богушевичским имением управлял и жил в барском доме некто пан Малиновский, довольно хорошо относившийся к отцу Даниилу Конопасевичу и его семье⁵⁴.

⁵³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40822.

⁵⁴ Конопасевич А. Указ. соч. — С. 15.

Весь 1862 год и начало 1863-го поляки буквально бурлили. Повсюду была предельно усилена антирусская пропаганда, звучали призывы к вооруженной борьбе. Католическое духовенство почти открыто призывало польских патриотов, а вместе с ними и католическое население к решительным действиям. В костелах пелись польские патриотические гимны, звучали политические проповеди. Паны усиленно вывозили свои семьи и имущество из имений, готовились идти «до лясу» в вооруженные отряды для войны с «пшеклэнтными москалями», вырабатывали планы действий. Во многих местах заготавливались склады оружия, и очень часто местом для его хранения служили костелы. Главным поставщиком оружия стала семья минских ростовщиков Айзенштатов, связанная с партией «белых». Крупнейшими пунктами хранения оружия и обмундирования были Kro lewiec⁵⁵ и Eitkuni, откуда агенты Айзенштатов перевозили его для повстанцев через прусскую границу⁵⁶.

В начале 1863 года на территории Царства Польского, а затем в Белоруссии и Литве началось польское национально-шляхетское восстание. Не имея достаточно сил и избегая открытых столкновений с русскими военными командами, отряды повстанцев действовали в основном методами партизанской войны. Между тем руководители восстания всячески старались привлечь на свою сторону простой народ: то заигрывая с ним и суля разные льготы, то запугивая и открыто угрожая расправой. Однако народ не только не сочувствовал восстанию, но с каждым днем все больше и больше проникался ненавистью к повстанцам, видя многочисленные злодеяния, совершаемые ими по всему краю. Их отряды, бродившие по лесам, приносили

⁵⁵ Ныне город Калининград.

⁵⁶ *Fajnhauz David*. 1863: Litwa i Bialorus / Inst. Nistorii PAN. — Warszawa: Neriton, 1999. — S. 110.

с собой только горе, разорение и страх. Сотни ни в чем не повинных людей — стариков, женщин, детей — были убиты, искалечены и часто с изуверской жестокостью. Среди убитых повстанцами мирных жителей были поляки, русские, евреи, иностранцы, католики и православные, люди самых различных званий, профессий и положения. Их вешали, стреляли, забивали до смерти. Повстанцы грабили местечки, деревни, разоряли и поджигали церкви, жгли дома и целые поселения. Одним словом, принесли в край большую кровавую смуту.

Немало пострадало в те дни и православно-духовное сословие. Чего только не пришлось вынести православному духовенству от повстанцев — угрозы, издевательства, побои и грабежи претерпело оно. Совершались и убийства. Чтобы избежать насилия, многим священникам приходилось прятаться, а некоторых, приговоренных повстанцами к смерти, спасла лишь охрана русских военных.

Все это было явлением не стихийного характера, а спланированной тактикой действий, о чем красноречиво свидетельствует секретная инструкция о способах ведения вооруженного восстания, присланная из Лондона Главным революционным комитетом Центральному комитету в Варшаве. В ней, между прочим, предписывалось «на всем пространстве изгонять попов и жечь русские церкви», «в русских округах вызвать убийства помещиков и чиновников земской полиции», «деревни, в которых крестьяне замечены в измене, предавать пламени»⁵⁷ и т. д. Именно так повстанцы и действовали.

⁵⁷ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. — Вильно, 1915. — С. 430–431.

Активнейшее участие в восстании принял Болеслав Свенторжецкий. Соседи-помещики еще ранее избрали его, как наиболее богатого и влиятельного, своим «дову́дцем» — предводителем. Видимо этим и объясняется его столь продолжительное отсутствие в имении. Как «дову́дца» он должен был собирать людей, закупать оружие, ездить в Варшаву, поддерживая связь с главными организаторами восстания.

В это время отец Даниила, хотя и не имел храма, однако не оставлял общения с прихожанами: ходил по домам, беседовал, совершал требы и вместе с тем зорко следил за развивавшимися событиями. Он уговаривал крестьян беречь местечко, ходить ночью по улицам дозором с палками и косами и быть на всякий случай готовыми к защите. Было очень тревожно. Управляющий Богушевичским имением Машиновский, расположенный к отцу Даниилу, советовал ему ради безопасности уехать из местечка. Но отец Даниила не хотел покидать приход в это смутное время.

До апреля 1863 года о повстанцах в Минской губернии практически не было слышно. Восстание здесь было отложено руководителями «жонда» до приезда Болеслава Свенторжецкого, назначенного военным начальником Минского воеводства⁵⁸. В начале апреля Свенторжецкий вернулся из-за границы, куда ездил проводить жену, отправлявшуюся для лечения в Ниццу. 17 апреля в имении Богушевичи собралось около 30 человек, вооруженных ружьями, пистолетами и саблями, готовых принять участие в восстании. 19(18) апреля Свенторжецкий и собравшиеся у него люди явились в местное волостное правление, где, кстати сказать, писарем служил поляк — осведомитель повстанцев. В при-

⁵⁸ Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: Сборник документов. — М., Вроцлав: Наука, 1965. — С. 92.

сутствии нескольких «крестьян и баб» Свенторжецкий «прочитал польский манифест и объявил крестьянам, чтобы они не платили никаких податей, не давали рекрут, и что землю отдает он им в дар», заверив при этом, что все книги и бумаги в богушевичской канцелярии уничтожены⁵⁹.

В тот день отец Даниил отсутствовал в Богушевичах, находясь где-то по хозяйским делам. Жена его, Елена Ивановна, в это время была дома с двухлетним сыном Алешей и сестрой Александрой. Увидев в окно, как по улице проехала вереница длинных телег с вооруженными людьми, она подумала, что это приехали за ее мужем, в страхе схватила на руки сына и побежала к дому псаломщика. Елена Ивановна в это время была на последних месяцах беременности дочерью Людмилой, родившейся 6 июня. Обнаружив, что двери дома псаломщика заперты, она в каком-то порыве отчаяния разбила окно, порезала себе руку и, не достававшись ни до кого, пошла в волостное правление. Придя туда, она встретила большое собрание повстанцев и среди них двух знакомых — Болеслава Свенторжецкого и пана Гектора Коркозевича из Логов. Увидев испуганную женщину с ребенком, паны тотчас же спросили, почему она окровавлена, и, узнав, что это не по их вине, успокоились. Когда Елену Ивановну спросили о причине прихода, она стала просить собравшихся господ, чтобы не трогали ее мужа, священника Даниила. Женщине объяснили, что мужа не тронут, если он не будет мешать их делу. Тогда Елена Ивановна, несколько успокоившись, ушла. Однако, вернувшись домой, узнала от сестры, что приходили двое неизвестных людей и устроили строгий обыск всего дома и сараев, разыскивая отца Даниила.

⁵⁹ НИАБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 56. Л. 16. об.

В тот же день повстанцы ушли из Богушевич. Возвратившийся домой, отец Даниил, узнав о случившемся, тотчас же отправился в волостное правление. Там он нашел разорванный и брошенный на пол портрет императора Александра II, а на столе — массу оставленных прокламаций, в которых провозглашалось о восстановлении Польши и ее прав, объявлялись льготы крестьянам, и звучало воззвание к русским «хлбпам» вступать в число граждан будущего польского королевства. Отец Даниил, недолго думая, собрал прокламации, порвал их и бросил в топившуюся печь, а разорванный портрет государя забрал к себе домой. Свидетелем этих действий был упомянутый волостной писарь — поляк Рогальский.

В тот же вечер отец Даниил на одной лошадке отправился в город Игумен, чтобы сообщить представителям власти о случившемся в Богушевичах, но по злой иронии судьбы человек, которому он рассказал об этом — исправник Сушинский, — оказался осведомителем повстанцев. Из Игумена отец Даниил поехал в Минск, где также обо всем доложил преосвященному Михаилу⁶⁰.

Повстанцы же, выехав из Богушевич, отправились в сторону Ляд, где встретили артиллерийского подпоручика Станислава Лясковского (действовавшего под псевдонимом Игнатий Собек) с несколькими вооруженными людьми. Ляковский сразу же объявил себя начальником «партии», то есть отряда, и тотчас же приказал рубить телеграфные столбы. Партия направилась в деревню Задобричин и в первые дни похода порубила телеграфные столбы «от Ляд до Речек». Так началось странствование партии Ляковского по уезду. По мере следования отряд пополнялся новыми

⁶⁰ Конопасевич А. Указ. соч. — С. 16–17.

людьми. Вскоре к нему присоединились партии: Игуменская, Слуцкая (под командованием учителя Слуцкой гимназии Л. Домбровского), а впоследствии и Минская в числе 70 человек под начальством дворянина Яна Ваньковича (он же Лелива). Между тем общая численность отряда оказалась совсем незначительной, что для многих стало большой неожиданностью. «Увы, мне пришлось дважды разочароваться! — вспоминал впоследствии один из членов отряда Владислав Баратынский⁶¹. — Во-первых, главные наши силы оказались числом только в двести человек, во-вторых, начальник несколько не похож был на сказочного героя: невелик ростом, на Аполлона Бельведерского вовсе не похож и на Марса тоже. Не был увешан с головы до ног оружием, а был в простой офицерской русской шинели, в польской конфедератке, в высоких сапогах, и если что-либо придавало ему воинский вид, то это офицерская сабля на серебряном поясе»⁶².

Штаб соединенных отрядов состоял из командира Станислава Ляковского, комиссара Болеслава Свенторжецкого, отставного штабс-ротмистра Гектора Коркозевича, Болеслава Окулича, Адольфа Шидловского и Яна Ваньковича. Но состав его не был постоянным и время от времени менялся. Штабом, однако, это собрание господ можно было назвать

⁶¹ **Баратынский Владислав Людвигович** (1841 — после 1885) — дворянин Лепельского уезда Витебской губернии, поляк. Первоначальное образование получил в родительском доме, потом два с половиной года учился в местечке Буцлав Виленской губернии, затем в Минском реальном училище, а после обучался фармацевтике у аптекаря в г. Слуцке. В службе не состоял. Принял участие в восстании «в надежде, что, при помощи иностранных держав, Литва присоединится к Польше». В отряде Ляковского числился лекарем. Оставил воспоминания.

⁶² *Баратынский В. А. Последняя польская смута 1863 г. (воспоминания) // Русская Старина. — 1886. — № 8. — С. 428.*

условно. «Штаба, собственно говоря, никакого не существовало, — вспоминал Баратынский, — но мы окрестили этим именем нескольких помещиков, которые положительно были лишней тягостью в “отделе”, постоянно уклонялись от всякой лишней работы, постоянно держались около начальника, сами так и втирались в чины. В штабе, впрочем, было одно лицо официальное — это помещик Свенторжецкий: он был “комиссаром воеводства”. Я не знаю точно, какая градация чинов была у нас в то время, но из слышанных мною несколько раз препирательств между начальником и комиссаром я заключаю, что они были в равном чине, только один по военному ведомству, а другой — по гражданскому»⁶³.

Отряд Ляковского—Свенторжецкого состоял «из помещиков, мелкой шляхты, чиновников, гимназистов, дворовой челяди и других разночинцев»⁶⁴. В основном это были совсем молодые люди с еще не сформировавшимся мировоззрением, которыми легко манипулировали руководители восстания. Так, вербуя в отряды новых членов, они уверяли, что Свенторжецкий собрал «около 8000 человек, что у них есть пушки, много оружия, что французы и другие народы идут к нему на помощь и русские войска переходят на его сторону и что в некоторых местах объявлено польское право»⁶⁵. Но это была обычная ложь, и об этой лжи писал еще проницательный Мицкевич: «Лож, как политическое средство, употребляли у нас часто благороднейшие люди с самой лучшей целью, но всегда с дурным последствием. Агали о тайных обществах, увеличивая число и силу союзников, чтобы тем удобнее вовлечь в заговор; агали пред революцией о Хлопиц-

⁶³ Баратынский В. А. Указ. соч. — № 8. — С. 437.

⁶⁴ Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг.: Сборник документов. — М., Вроцлав: Наука, 1965. — С. 421.

⁶⁵ Там же. — С. 434.

ком, алали после революции от его имени: патриоты дорого за это заплатили; алали во время восстаний, распространяя фальшивые вести для заохочивания: опытные заговорщики и начальники восстаний соглашаются в том, что никогда не имели пользы от людей искусственно вовлеченных; они тотчас уходили или сокрушали сердце другим, шедшим за доброе дело по внутреннему убеждению»⁶⁶.

Говоря о тактической деятельности повстанческих отрядов, можно отметить, что была она, как правило, бездарной, а часто и бессмысленной. «Вертелись они, обыкновенно, — вспоминал один из повстанцев-командиров, — на небольшом пространстве, пока их не разбивали, не понимая задачи, какую преследовало наше восстание...»⁶⁷.

Через некоторое время после возвращения священника Даниила Конопасевича из Минска, в Богушевичи пришел русский военный отряд. Во время короткого отдыха офицеры посетили дом отца Даниила. Возможно, они хотели узнать у него о месторасположении повстанцев, но это было бессмысленно, так как повстанцы постоянно меняли места стоянок, и даже при большом желании нельзя было в точности сказать, где конкретно находится их отряд.

Между тем у повстанцев во многих местах была агентура. Во всех присутственных местах и канцеляриях они имели своих людей, которые большей частью были поляки или считали себя таковыми. Это же касалось и местной полиции. Вот что писал по этому поводу в одном из донесений полковник Б. К. Рейхарт: «...главное, неудобством при теперешних обстоятельствах оказывается то, что полиция городская и земская без малого изъятия состоит из католиков, впрочем, и некоторые

⁶⁶ Pisma Adama Mickiewicza. T. 6. — Париж, 1861. — С. 211.

⁶⁷ Рогинский Р. Из воспоминаний повстанца // Исторический вестник. — 1906. — № 8. — С. 451.

туземные православные (бывшие униаты) не лучше их, особенно у которых жены католички»⁶⁸. Осведомителями отрядов Свенторжецкого были Игуменский исправник Сушинский и становой пристав в местечке Березино Круковский. Эти господа, получая сведения о местонахождении повстанцев, направляли отряды русских войск, посланные для их преследования, в совершенно противоположные стороны, чем и объясняется то обстоятельство, что военные приходили всегда с большой задержкой, а повстанцы успевали спокойно скрываться с мест своих стоянок.

Баратынский вспоминал: «Приходилось вести кочевую лесную жизнь, переходить с места на место, переносить холод, дождь и сырость. Голода мы пока не знали. Но зато дождь ужасно нам надоедал, тем более что у нас не было шинелей. Они были у нас отбиты русским отрядом со всеми фургонами»⁶⁹. Действительно, 29 апреля солдаты Новоингерманландского пехотного полка, преследуя в Игуменском уезде повстанческий отряд «под предводительством Свенторжецкого, отбила из их обоза до 40 подвод», но самим повстанцам удалось скрыться в лесах. Между тем стало известно, что на пути из Кобача повстанцы «увели с собой православного священника Малевича и после истязаний в лесу отпустили его с поруганием»⁷⁰.

4 мая отряд 12-го пехотного Великолукского полка, преследуя «шайку Свенторжецкого», настиг при деревне Жабичи Игуменского уезда другой отряд (помещика Эсьмана (Козелло)) около 80 человек, следовавший на соединение со Свенторжецким. При столкновении у

⁶⁸ Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: Сборник документов. — М., Вроцлав: Наука, 1965. — С. 421.

⁶⁹ Баратынский В. А. Указ. соч. — № 8. — С. 430.

⁷⁰ 1863 год на Міншчыне (Rok 1863 na Minszczyźnie) / J. Witkowski i інш. — Мінск, 1927. — С. 28.

повстанцев было убито шесть и взято в плен девять человек, еще восемь человек захватили крестьяне. Примечательно, что из 17 повстанцев, взятых в плен, 16 оказались шляхтичами. Со стороны военных было ранено трое рядовых.

9 мая под селом Юревичи, находившимся в 12 верстах от Богусевич, произошло сражение русских военных под руководством майора Великолукского пехотного полка Григорьева, командовавшего двумя ротами и 50 казаками при войсковом старшине Титове, с отрядом Лясковского. Повстанцы расположились на привале в густой чаще среди завалов из нарубленного крестьянами для хозяйственных надобностей леса. Едва они приступили к приготовлению пищи, как попали под обстрел нагнавшего их русского отряда. Застигнутые врасплох, повстанцы вынуждены были принять бой. Так как военным не представлялось возможности обойти завалы, пришлось атаковать позицию в лоб. Описывая это сражение, Баратынский вспоминал: «Благодаря естественным завалам, за коими мы скрывались, мы шесть раз пытались остановить мужественное наступление солдат, перестреливаясь всего на пятнадцать шагов. Но вот пули начинают летать слева. Видно, наш левый фланг обойден. Завязывается жаркая перестрелка на левом фланге. Десять товарищей уже пало. Убит Грудзина, убит Яновский из случких товарищей... Начальник командует переменить фронт: левому флангу отступить, правому — податься вперед. Но это можно было сказать только хорошо вымуштрованным солдатам, а не нам; как тут идти вперед, когда русские солдаты не могли пройти этих заколдованных пятнадцати шагов, когда впереди такие громадные груды срубленного крестьянами зимою лесу, что перелезть через них нет возможности, не наткнувшись на русский штык или пулю. Мы

предпочли лучше сидеть за этим лесом, как за каменной стеною»⁷¹.

«Пришлось каждый из завалов брать штурмом, — доносил командир колонны майор Григорьев, — причем повстанцы дрались насмерть. Два часа продолжался ожесточенный бой»⁷². В конце концов, русский отряд выбил повстанцев из завалов, разбил наголову и преследовал более двух верст. В бою при самих завалах было убито 19 человек повстанцев и 5 взято в плен. Со стороны военных погибли один офицер и 12 нижних чинов, получили ранения 25 человек. Сколько повстанцев было убито и ранено во время преследования точно неизвестно, но, по словам некоторых участников боя, повстанцы потеряли убитыми и ранеными около 30 человек⁷³.

На другой день после сражения военные позвали отца Даниила исповедать и причастить Святыми Таинами раненых, отпеть павших православных воинов. Есть свидетельство, что в Юревичах у отца Даниила произошла встреча с ксендзом, также прибывшим туда для исполнения христианских треб. Во время встречи священник упрекнул ксендза, указывая на убитых повстанцев, что причастно к этому и католическое духовенство, призывавшее патриотов к вооруженному восстанию.

Отряд майора Григорьева оставался у Юревич 10 и 11 мая для погребения убитых, отправки раненых и пленных, а также необходимого для солдат отдыха. Примечательно, что, когда местным крестьянам поручили собрать в лесу убитых и раненых повстанцев, те отвечали: «пусть гниют» — об убитых,

⁷¹ Баратынский В. А. Указ. соч. — № 8. — С. 433.

⁷² Цит. по: Смирнов А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. — Москва: изд. Акад. наук СССР, 1963. — С. 213.

⁷³ Совершенно смехотворное описание этого боя дает в своих воспоминаниях участник восстания Апполинарий Свенторжецкий ([Świętorzecki A.]. Ze wspomnień wygnańca / Spiała Z. Kowalewska. — Wilno, 1911).

«пустьдохнут» — о раненых. Такое крайне жестокое отношение селян к повстанцам красноречиво свидетельствует, до какого состояния были доведены крестьяне и с какой ненавистью относились они к панам и их делу⁷⁴.

Между тем поредевший отряд Лясковского — Свенторжецкого продолжал свои странствования по окрестным лесам «без одежды, без провизии, без патронов». Раньше все эти припасы доставлялись местной революционной организацией в известные пункты в лесу. Однако теперь принадлежавшие к организации помещики были или арестованы, или сами находились в числе повстанцев, остальные же выехали из имений: кто в Минск, кто в Петербург, а кто и за границу, «лишь бы быть подальше от греха». О странствованиях отряда в это время Баратынский вспоминал: «Приходилось стоять по целым часам в воде или болоте, употреблять всевозможные хитрости, чтобы скрыть свой след. Припадем иногда за болотными кочками, как утки, да так пролежим с час времени, а когда опасность минует, опять продолжаем путь. Иногда приходилось переходить через дорогу, чтобы не оставлять следов на песке, мы шли гуськом, след в след, а последний заметал следы, или же переходили дорогу задом, чтобы следы показывали туда, где нас уже не было»⁷⁵. Чтобы успешнее скрываться от преследования, отряду приходилось прибегать к помощи провожатых из местных крестьян, бравших с повстанцев за свои услуги огромные деньги — 30 рублей в день.

Оставшись без поддержки, отряд вынужден был теперь самостоятельно добывать провизию. Когда наступало время ночлега и отряд располагался на отдых, Ляковский выбирал

⁷⁴ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. — Вильно, 1915. — С. 199.

⁷⁵ Баратынский В. А. Указ. соч. — № 8. — С. 434.

несколько человек «охотников»– добровольцев и поручал им добыть каким-либо способом провизию. Они шли в ближайшую деревню, причем нередко занятую русскими военными, и незаметно договаривались с кем-нибудь из знакомых о доставке провианта в условленное место. Баратынский пишет, что за все получаемое от крестьян приходилось платить втридорога, иначе невозможно было бы продержаться в лесу даже неделю. Он вспоминал, как однажды, чтобы поесть, должен был заплатить за яичницу из десятка яиц три рубля!

В это время посылаемые за припасами члены отряда доложили Лясковскому, что «священник Конопасевич разъезжает с казаками и уговаривает крестьян преследовать мятежников»⁷⁶. «Священник села Богушевичи, Конопасевич, — вспоминал Баратынский, — верный своему долгу и присяге, сильно действовал против нас: зная хорошо местность, он очень удачно нас выслеживал, а, имея влияние на прихожан, уговаривал их содействовать своим властям, не признавал нашего ни ржонда народного, ни комиссаров, ни начальников, уничтожал собственноручно все наши грамоты, прокламации и т. п.»⁷⁷. Баратынский утверждал, что донесения на отца Даниила приходили со стороны, однако не знал от кого именно. По его предположению это мог быть кто-либо из состоявших в революционной организации или сочувствующие лица, зорко следившие за всем, что тормозило дело восстания. «Очень часто бывало, — вспоминал бывший повстанец, — подобные сообщения оказывались впоследствии чистой выдумкой, и много было невинных жертв, особенно в Царстве Польском, где мятеж был в полном разгаре, но в настоящее время, надо предполагать, донесение

⁷⁶ НИАБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 56. Л. 17 об.

⁷⁷ Баратынский В. А. Указ. соч. — № 8. — С. 434–435.

было не выдумкой, ибо наш начальник был очень осторожный человек и вовсе некровожаден»⁷⁸.

Баратынский писал, что поведение богушевичского священника вызвало «злобу мятежного нашего начальства, и оно послало ему, в разное время, три предостережения, как тогда водилось». По его утверждению, всякому невоенному лицу, замеченному в каком-либо противодействии польскому делу, прежде суда посылались три предупреждения, после чего производились суд и расправа. Так, якобы, было и в случае с Конопасевичем, однако священник, по утверждению Баратынского, не внял предупреждениям и «продолжал действовать по-своему». Тогда Лясковский созвал совет из штаба и начальников отделений, на котором священника Даниила приговорили к смертной казни. В совете участвовал и Болеслав Свенторжецкий, однако он, по свидетельству одного из участников, уговаривал Ляковского дать возможность священнику уйти из местечка, не желая его смерти.

Говорили, что отцу Даниилу была подброшена записка приблизительно следующего содержания: «Отец Конопасевич! Будь уверен, что ты останешься в живых тогда, когда ни одного из нас не останется»⁷⁹. Может эта записка и была одним из упомянутых «предупреждений»...

Известно, что управляющий Богушевичским имением Малиновский настоятельно советовал отцу Даниилу уехать в Бобруйскую крепость, зная о планах повстанцев. Не исключено, что управляющий действовал по просьбе самого Свенторжецкого, пытавшегося спасти священника от насильственной смерти. Слыша такие советы от поляка

⁷⁸ Там же. — С. 435.

⁷⁹ Пятидесятилетие (1839—1889) воссоединения с Православной Церковью Западно-русских униатов. Соборные деяния и торжественные служения 1839 г. — СПб.: Синод. тип., 1889. — С. 60.

и понимая, что дело крайне серьезно, супруга отца Даниила также прилагала все усилия, чтобы упросить мужа уехать из местечка. Но отец Даниил, очевидно сознавая, насколько постыдно смалодушничать человеку, давшему присягу духовную и гражданскую, и помня слова Спасителя о пастыре добром, не поддавался уговорам. Иногда он для успокоения супруги, которая в последнее время даже боялась ночевать дома и уходила с сыном на ночь к кому-нибудь из богушевичских крестьян, обещал также идти ночевать к соседям. А сам, между тем, как только жена уходила, возвращался домой и спокойно засыпал. В таком состоянии супруга его и находила утром. Родные отца Даниила свидетельствовали, что страха смерти у него не было. Происходившие тогда события видимо подготавливали его к принятию любой ситуации. Очевидно, отец Даниил был почти уверен, что повстанцы его не пощадят. Однажды, незадолго до смерти, он отправился к соседнему священнику и, исповедовавшись у него и причастившись Святых Таин, радостный вернулся домой со словами: «Вот я уже теперь совсем готов — причастился»⁸⁰.

Дня за три до убийства отца Даниила управляющий Малиновский и Елена Ивановна убедили его уехать с семьей в Бобруйск, но, не доехав до города верст 20, он почему-то наотрез отказался ехать дальше и повернул обратно в Богушевичи. По дороге назад Конопасевичи встретили знакомого священника из Якшиц, который ехал в Бобруйск с целью найти там убежище. В свою очередь и он стал усиленно уговаривать отца Даниила не возвращаться в Богушевичи, но тот не хотел и слышать об этом, и к вечеру 22 мая Конопасевичи вернулись домой⁸¹.

Видимо, каким-то таинственным движением души был влеком отец Даниил к месту и часу своего мученичества. Как

⁸⁰ Конопасевич А. Указ. соч. — С. 18.

⁸¹ Там же.

будто боясь лишиться небесного венца, подобно апостолу Павлу, желавшему пострадать за Христа, он не обращал внимания на уговоры близких и дорогих ему людей.

Для расправы над богушевичским священником Лясковский отправил отряд «охотников», которых набралось около 40 человек. Возглавлял их шляхтич Альбин Тельшевский, бывший в партии начальником «шўстки» — отделения из шести человек. По свидетельству очевидцев, в отряде «охотников», кроме Тельшевского, были шляхтичи Липинский, Казимир Окулич, Болеслав Окулич, Владислав Баратынский, канцелярист Михайловский, столяр Булынько, крестьяне Яков Сакович и Александр Подолецкий, крестьянин Матвей Сакович (уроженец Богушевич), а также некие Казимир Козловский, Демидович, Рейтовст из Слуцка и Ковалевский.

Баратынский в воспоминаниях пишет, что Лясковский отправил Тельшевского для расправы над священником с 30-ю людьми. Остальные же, в том числе и он, были посланы в Богушевичи для другого дела: якобы имелось известие о том, что в Богушевичском имении полиция что-то распродает с аукциона и Свенторжецкий попросил Лясковского разогнать полицию, распоряжающуюся его собственностью, для чего и была послана вторая группа, в составе которой оказался Баратынский.

Однако следует заметить, что здесь и далее воспоминания Баратынского расходятся со следственными показаниями Тельшевского. Баратынский пишет, что вместе с несколькими товарищами направился в имение Свенторжецкого, а Тельшевский с отрядом поспешил в село Богушевичи, назначив общую встречу в помещичьей усадьбе. Однако никакой полиции Баратынский и его товарищи в имении не обнаружили. Они нашли лишь пьяного акцизного

чиновника, который находился там для отпуска вина со склада, по контракту заключенному самим же Свенторжецким с каким-то евреем. В обязанности чиновника входило наблюдение за градусами да соблюдение бумажных формальностей.

А вот что во время следствия рассказал Тельшевский.

Вместе с отрядом он прибыл в Богушевичи 23 мая около шести часов вечера. Почти всех своих людей Тельшевский отправил в местечко, а сам и с ним несколько человек «остались в помещицьем дворе для получения провизии», однако вскоре они направились к дому священника⁸².

Создается впечатление, что всю историю с полицией в имени Баратынский просто выдумал, чтобы отвести от себя всякое подозрение в причастности к расправе над отцом Даниилом. Вообще чувствуется, что в воспоминаниях он старается оправдать действия сотоварищей по отряду.

23 мая 1863 года, по воспоминаниям супруги отца Даниила, выдался чудный ясный день. Почти весь он прошел без каких-либо тревог. Около шести часов пополудни они с мужем сели пить чай, и в это время увидели в окно вереницу проехавших мимо дома больших помещичьих телег с вооруженными повстанцами. Это были совсем уже не те, что в начале восстания с иголки одетые франты в расшитых бурках и конфедератках. Это был уже изрядно обтрепанный сброд с хмурыми, изможденными лицами. Как убедились отец Даниил с матушкой, повстанцы проехали прямо в местную корчму Лейбы Каца. Продолжая по-прежнему сидеть за чаем, они через несколько минут заметили, как мимо окна промелькнули чьи-то головы. Выглянув в окно, Елена Ивановна увидела конных и пеших вооруженных людей, которые требовали кого-либо выйти из дома. Услышав о

⁸² НИАБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 56. Л. 19 об.

требовании, отец Даниил с женой тотчас вышли на черное крыльцо. Повстанцы не сразу поняли, что перед ними священнослужитель, и спросили, где находится «ксендз», разумея под этим словом священника. Дело в том, что отец Даниил хотя и носил как священник длинные волосы, но был одет не в подрясник или рясу, а так, как обычно ходил дома — в старое семинарское пальто. На вопрос незваных гостей он ответил: «Я сам и есть священник. Что вам нужно от меня?» Тогда к отцу Даниилу подступил шляхтич Тельшевский и направил на него револьвер. Но Елена Ивановна резко отвела оружие в сторону. Повстанцы тут же втокнули ее и выбежавшего на шум ребенка в кухню и заперли дверь снаружи. Несчастная женщина в истерике металась по дому, пока не упала в обморок. Елена Ивановна впоследствии рассказывала, что когда отца Даниила схватили, он не издал ни звука. Еще она слышала, как кто-то крикнул: «Веревок!», а что было дальше, не помнила⁸³.

По приказанию Тельшевского Ковалевский, Михайловский, Подолецкий и Булынько схватили отца Даниила и вывели на середину двора. Тельшевский, зачитав священнику обвинения против него и приговор штаба, приказал повесить. Когда отец Даниил сделал какое-то возражение, Михайловский и Подолецкий «с бранными словами схватили его за волосы», Михайловский накинул веревку на шею, а Булынько влез на ворота и привязал ее там⁸⁴. Повесили отца Даниила на воротах собственного двора. Самого убийства никто из домашних не видел, так как ворота, на которых повесили страдальца, находились за той стеной кухни, где окон не имелось. Но, видимо, это было и к лучшему.

Придя в себя и выйдя на улицу (двери дома уже были открыты), Елена Ивановна увидела мужа, висящего на

⁸³ Конопасевич А. Указ. соч. — С. 19.

⁸⁴ НИАБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 56. Л. 16.

воротах. Рядом с отцом Даниилом, обняв его ноги, сидел плачущий старик — батрак дед Иван, работавший в их доме. Это был единственный верный слуга в доме Конопасевичей, служивший еще у родителей отца Даниила. Он ничего не знал о расправе, но все понял, найдя отца Даниила повешенным, когда привел с выгона домой скотину. И теперь, потрясенный увиденным, горько оплакивал любимого своего батюшку. Из людей вокруг никого больше не было. Жители Богушевич, узнав, что в местечко вошли повстанцы, попрятались и боялись даже показаться на улицу.

Когда дед Иван стал вынимать отца Даниила из петли, тотчас прибежали повстанцы, бражничавшие неподалеку в корчме. Они с угрозами воспретили снимать повешенного, чтобы тело его висело подольше на устрашение всем русским, противящимся «польскому делу». И только после отъезда их из Богушевич тело отца Даниила сняли, омыли и положили в доме, как подобает умершему⁸⁵.

Вот как описывал Баратынский возвращение «охотников» в отряд: «Мы шли скорым шагом; все молчали под тяжелым впечатлением случившегося, разговор не клеился, хотя мы с Л[ипин]ским и приставали с расспросами то к тому, то к другому, как было дело, кто исполнил роль палача и т. п. интересные в то время для нас вопросы. Но нам отвечали односложно, неохотно: видно, что всем было не по себе»⁸⁶.

Есть сведения, что люди из отряда Лясковского кроме священника повесили еще несколько крестьян Игуменского уезда: Бурака, Фуренку и Дышлевича⁸⁷. Неизвестно, правда,

⁸⁵ Конопасевич А. Указ. соч. — С. 20–21.

⁸⁶ Баратынский В. Л. Указ. соч. — № 8. — С. 436–437.

⁸⁷ Путевые записки ст. сов. Ф. Д. Воинова, или Воспоминания о пребывании его в Минской губернии с февраля 1865 по 1 мая 1866 года. — СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1891. — С. 42.

когда именно это произошло: до убийства отца Даниила или после.

Когда 24 мая в Игумен поступило донесение об убийстве богушевичского священника, уездный военный начальник Чурский немедленно направил в этот район отряды «майоров Коспоржиковского от Равич, Григорьева от Березина и Андреева, который с двумя ротами Севского и Орловского резервных пехотных полков возвращался в Бобруйск, после конвоирования в Игумен транспорта»⁸⁸.

Для погребения отца Даниила в Богушевичи к вечеру 25 мая прибыли березинский благочинный Роман Пастернацкий (впоследствии настоятель Слуцкого монастыря), божинский священник Иоанн Шафалович и микуличский — Порфирий Ральцевич с псаломщиком. Из опасения попасть в руки к повстанцам, чтобы добраться до Богушевич, им пришлось переодеться в крестьянскую одежду и даже обрезать волосы⁸⁹. В тот же вечер в Богушевичи пришли русские пехотинцы майора Григорьева и казаки под командованием Титова.

Благодаря военным священники смогли безопасно совершить погребение отца Даниила. Из дома на церковный погост гроб мученика несли русские солдаты. Похоронили отца Даниила при фундаменте сгоревшей церкви, на восстановление которой он уже успел заготовить лес. У могилы невинно убиенного страдальца при виде неутешных слез несчастной вдовы и малютки-сына солдаты не могли сдерживать негодования, и некоторые в сердцах говорили: «Дай

⁸⁸ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. — Вильно, 1915. — С. 200.

⁸⁹ *Мальцев Евгений, священник.* Указ. соч. — С. 768—769.

Бог нам только встретиться с поляками, и у нас пленных мятежников не будет!»⁹⁰

В Минске по убитому богушевичскому настоятелю в кафедральном соборе архиепископ Михаил (Голубович) всенародно отслужил торжественную панихиду⁹¹.

Когда в отряде майора Григорьева, знакомого с отцом Даниилом, узнали о трагедии, все были буквально потрясены. Сам майор Григорьев, офицеры и нижние чины отряда из чувства сострадания к несчастной вдове приняли живое и трогательное участие в ее скорби: они собрали в складчину 80 рублей, передав эту посильную лепту осиротевшему семейству⁹².

Уже 25 мая игуменский военный начальник получил донесение, что повстанческий отряд, совершивший злодеяние в Богушевичах, направился на Каменичи. Чтобы перехватить его, в район Лапич из Игумена был направлен отряд в 150 человек. Таким образом, отряд Лясковского—Свенторжецкого оказался зажатым с четырех сторон. Хотя точное местонахождение повстанцев пока никак определить не удавалось, их продолжали искать.

Вскоре Минский временный военный губернатор генерал-лейтенант В. И. Заболоцкий получил известие, что отряды Свенторжецкого и Коркозевича, руководимые Лясковским, скрываются в непроходимых лесах и болотах Игуменского уезда между деревнями Домовицка, Володута, Рованичи,

⁹⁰ *Пастернацкий Роман, священник.* Речь, по случаю освящения памятника на могиле священника Даниила Конопасевича, в воспоминание его смерти от поляков, сказанная 23 мая 1870 года в местечке Богушевичах // Минские епархиальные ведомости. — 1870. — № 14. — С. 365.

⁹¹ О православных священниках и прочих лицах, пострадавших во время последнего польского мятежа // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1813. — № 15—16. — С. 279.

⁹² Об убийстве польскими мятежниками священника Конопасевича // Московские Ведомости. — 1863. — № 128. — С. 2.

Полядки, Логи, Микуличи, Мартыновка, Юревичи, Ганнополь и Старый Прудок. Местность эта представляла собой сплошную непроходимую пушу, имевшую в окружности от 50 до 80 верст. Генерал В. И. Заболоцкий приказал стянуть в этот район к 7 июня под общее начальство генерал-майора Русинова 12 рот пехоты и 40 казаков. При этом, кроме уже находившихся здесь войск, были специально вызваны несколько рот пехотинцев из соседних Бобруйского и Борисовского уездов. 9 июня эти войска, разделенные на пять отрядов (колонн), «произвели концентрические движения» в лесу и за 11 часов непрерывного и утомительно марша осмотрели большую его часть. Много было обнаружено следов, оставленных бивуаков, попадались даже горящие костры с явными признаками недавнего присутствия повстанцев, но сами отряды настигнуть пока не удавалось. В последующие дни военные продолжали вести поиски, переместившись в леса близ Богусевич. Между тем повстанцы, разбившись на мелкие группы, успели проскользнуть между колоннами, и только незначительную их часть встретила рота Кременчугского полка, следовавшая из деревни Микуличи. При неожиданной встрече повстанцы, дав оружейный залп, поспешно скрылись, оставив в руках военных 12 вьючных лошадей, около трех пудов пороха, свинец, несколько ружей и пр. Со стороны военных при этом получил легкое ранение один рядовой⁹³.

12 июня к отрядам генерал-майора Русинова присоединилась еще колонна свиты Его Величества генерал-майора князя В. В. Яшвиля, направленная из Могилевской губернии с целью очистить левый берег Березены и, после перехода через реку, содействовать уничтожению повстанцев в Игуменском

⁹³ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. – Вильно, 1915. – С. 203–204.

уезде. 13 числа один из отрядов князя Яшвиля⁹⁴ под начальством подполковника генерального штаба Зыкова нагнал у фольварка Лочина, близ деревни Горки, отряд повстанцев из 120 человек. Повстанцы бросились врассыпную, потеряв убитыми 4 и пленными 20 человек. После боя крестьяне доставили в Игумен еще 23 человека, среди которых был и Гектор Коркозевич, явившийся к волостному старшине просить хлеба. Тогда же в плен попал и другой предводитель повстанцев — заседатель Игуменского уездного суда Адольф Шидловский⁹⁵. Свенторжецкий же и Лясковский, по показанию пленных, бежали.

15 июня пришло известие, что Болеслав Свенторжецкий пробирается лесом к Сутину, где находилось имение его жены. За ним отправили отряд с десятью казаками, однако захватить Свенторжецкого не удалось.

16 июня генерал-майор Русинов начал обход своими колоннами всего Игуменского уезда. Примечательно, что во время поисков повстанцев большое усердие и готовность помогать военным выказывали крестьяне. Поначалу они еще немного побаивались окольной шляхты, смотря на нее как на агентов повстанцев, но потом ободрились и стали активно помогать осматривать леса и задерживать подозрительных людей⁹⁶.

⁹⁴ Отряд Смоленского резервного полка и сотня казаков.

⁹⁵ 1863 год на Міншчыне (Rok 1863 na Minszczyźnie) / J. Witkowski i інш. — Мінск, 1927. — С. 42.

⁹⁶ Московские Ведомости. — 1863. — № 142. — С. 3.

Вскоре были пойманы и некоторые участники убийства отца Даниила: шляхтичи Альбин Тельшевский⁹⁷, Владислав Баратынский, Болеслав Окулич⁹⁸, а также крестьяне Яков Сакович⁹⁹ и Александр Подолецкий¹⁰⁰. Их предали военно-полевому суду при штабе 119-го Коломенского пехотного полка.

Во время следствия руководитель отряда «охотников» Тельшевский всячески пытался выгородить себя. Он утверждал, что Лясковский «наильно» под угрозой смерти заставил его исполнить приговор о «лишении жизни православного священника»¹⁰¹. Ложно показывал, что «когда он приехал в деревню, священник был уже пойман», хотя сам привел «охотников» к его дому. Превратно представлял и сцену расправы над отцом Даниилом. А кроме того, утверждал, что в приговоре повстанческого штаба помимо других обвинений в адрес священника главным было то, что он якобы жестоко обошелся с неким «раненым Рудзинским»¹⁰². При этом никаких подробностей, в чем именно заключалась жестокость, Тельшевский не указывал. Это было, конечно, доста-

⁹⁷ **Тельшевский Альбин Иванович** (1827–1863) — дворянин, служил писцом в Слуцкой дворянской опеке. Вступление в восстание мотивировал тем, что «любовь к отечеству и желание присоединения Литвы к Польше побудили его присоединиться к мятежной партии». На следствии говорил, что не хотел убивать священника и что действовал исключительно под угрозами Ляковского, из страха самому лишиться жизни.

⁹⁸ **Окулич Болеслав Венедиктович** (1833–1863) — дворянин, с 1861 г. служил в Минском губернском правлении. Участвовал в совете, принявшем решение о повешении священника Даниила Конопасевича, и был в составе «охотников».

⁹⁹ **Сакович Яков Фомич** (1845–1863) — крестьянин Богушевичской волости Игуменского уезда, состоял лакеем у помещика Болеслава Свенторжецкого.

¹⁰⁰ **Подолецкий Александр** (незаконнорожденный) (1838–1863) — сельский обыватель Игуменского уезда, служил лакеем у помещика Болеслава Свенторжецкого.

¹⁰¹ НИАБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 56. Л. 6–6 об.

¹⁰² НИАБ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 56. Л. 6–6 об.

точно серьезное обвинение в адрес священнослужителя, и следственная комиссия решила его проверить. Однако никто из допрошенных арестованных и людей со стороны не подтвердили, что Конопасевич обращался жестоко не только с раненым, но и вообще с кем-либо! Понятно, что Тельшевский хотел любыми путями смягчить свою вину, для чего и придумывал разные «оправдания».

Во время следствия один из участников расправы над отцом Даниилом, Александр Подолецкий, показал, что в убийстве принимал участие и Владислав Баратынский. Впрочем, свидетельство это никто больше не подтвердил. Баратынский вспоминал, что для него стало большим сюрпризом, когда через несколько месяцев после ареста его снова вызвали в следственную комиссию и свели с Подолецким, представив показания, в которых говорилось, что «Баратынский повесил в деревне Богушевичи священника Конопасевича» и пр. В оправдание Баратынский собственноручно написал о том, где был во время расправы над священником и что делал. В частности он утверждал, что брал в это время в Богушевичах лекарство, хотя в воспоминаниях позже писал, что в местечко вообще не заходил (!). «Моему объяснению, кажется, не поверили, — вспоминал он, — по крайней мере, в комиссию больше не требовали, а я и рад был тому; нас вскоре отправили в полевой суд, где я встретился с Тельшевским и Александром; последний, увидев меня, бросился ко мне со слезами, извиняясь за свою оплошность. “Ей Богу, — говорил он, — я думал вас убили в последней стычке на болотном острове, поэтому и хотел свалить всю вину на покойника, но как увидал вас в комиссии... Господи! Я до того потерялся, что и не знал что сказать. Ну да я поправил дело, — на другой же день, как только одумался, я сам попросился

в комиссию и сказал, что показал на вас ложно — сознался во всем — чего уж тут, раз помирать”, и он махнул рукой»¹⁰³.

«Нас было пять человек, — писал Баратынский, — и все мы чувствовали себя как бы обреченными на смерть; уныние какое-то виднелось на всех лицах, только Александр сохранил до последней минуты свой веселый нрав, да я философствовал втихомолку над суетой сует и заносился в своей фантазии высоко, высоко ко всем святым, прямо в рай, и думал себе: “Вот ужо погодите вы, — когда причислят меня к лику святых, тогда узнаете меня”»¹⁰⁴.

Четверых участников убийства суд предварительным постановлением приговорил к расстрелу, а одного — к каторжным работам. По распоряжению генерал-лейтенанта В. И. Заболоцкого, утверждавшего приговор, троим приговоренным к смертной казни (А. Тельшевскому, Я. Саковичу, А. Подолецкому) расстрел заменили повешением с исполнением приговора там, где было совершено преступление. 16 ноября 1863 года их публично повесили в Богушевичах на бывшем дворе помещика Свенторжецкого, после чего тела казненных зарыли в ямы без церковного погребения. Болеслав Окулич был расстрелян, а Владислав Баратынский сослан на каторжные работы на 20 лет. Позже попал под суд и другой участник убийства — столяр Булынько, казненный 29 января 1864 года в Минске.

Под суд попал также приходивший в Богушевичи в числе «охотников» для расправы над отцом Даниилом шляхтич Казимир Окулич, родной брат Болеслава Окулича. Однако так как он, по его собственному свидетельству, участия в убийстве не принимал, а отсутствовал в это время, будучи посланным за провиантом, его судили лишь за участие

¹⁰³ Баратынский В. А. Указ. соч. — № 9. — С. 585.

¹⁰⁴ Там же. — С. 586.

в восстании. Показательно прошение, написанное Казимиром Окуличем на имя генерал-лейтенанта В. И. Заболоцкого, красноречиво показывающее принципы и «революционные» убеждения повстанцев: «Пред испытанным ныне несчастьем для здешней страны, я получа воззвание к прямому участию в мятеже, нисколько не колеблясь решительно отказал, не имея к тому ни малейшего сочувствия; но получа на мой отказ угрозы и обещания в будущности моей преследования, нисколько не удивительно, что неотвечность моя девятнадцатилетнего возраста, заставила меня исполнить приказание, я не был в силах отказать; я невольно принял участие в мятеже, не зная даже цели его; но желание возвратиться под кров спокойной жизни было единственным моим счастьем. Во время бытности моей в шайке, я приискал счастливую минуту, которой воспользуясь, добровольно явился к Начальству, с надеждою найти сочувствие в моем невинном поступке, и ныне с искренним раскаянием, прибегаю под отцовское покровительство Вашего Превосходительства, прося милостивого воззрения на мою молодость и неопытность в преступлении, а что я хочу быть навсегда верноподданным Государю Императору, в том покорно прошу дозволить мне доказать это присягою»¹⁰⁵. И подобных прошений множество...

Конечно, К. Окулич лукавил. Его заявление о насильственном взятии в отряд суд отклонил, как не заслуживающее «вероятия». Окулич более двух месяцев находился в повстанческом отряде и «добровольно» сдался лишь после разгрома отрядов Ляковского—Свенторжецкого, и, конечно же, не вследствие раскаяния, а от безвыходности положения. Приговорили его к четырем годам каторжных работ «на заводах»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ НИАБ. Ф. 256. Оп. 1. Д. 31. Л. 17—17 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 28.

Известна судьба еще одного «охотника» — Матвея Антоновича Саковича. После ареста и суда в 1863 году его отдали в Тульскую арестантскую роту, а в 1866-м отправили в ссылку в Енисейскую губернию (деревня Отрок Минусинского уезда). В ссылке Матвей женился на местной крестьянке Наталье Гусевой и осел в России¹⁰⁷.

Судьбу остальных участников расправы над отцом Даниилом выяснить не удалось.

Когда начальник края генерал-губернатор М. Н. Муравьев узнал об убийстве богушевичского священника, он послал Минскому губернатору П. Н. Шелгунову¹⁰⁸ телеграмму с распоряжением продать движимое имущество Свенторжецкого, и вырученные деньги обратить в пособие пострадавшему семейству¹⁰⁹. Согласно этому распоряжению все найденное в имении имущество конфисковали. Часть его вывезли в город Игумен для продажи, а часть роздали крестьянам. Панская же усадьба в Богушевичах со всеми постройками по приказанию М. Н. Муравьева была сожжена казаками. Само имение Богушевичи впоследствии приобрел П. Н. Шелгунов¹¹⁰.

От продажи движимого имущества Болеслава Свенторжецкого была выручена сумма в 3990 рублей. Дополненная до 4000 рублей и обращенная в процентные бумаги, она хранилась в Минской духовной консистории, а впоследствии — в Епархиальном попечительстве о бедных духовного звания, для выдачи с нее ежегодного процента на воспитание детей-сирот священника Даниила Конопасевича — Алексея

¹⁰⁷ У М. А. Саковича родились два сына-близнеца — Дмитрий и Мартирий. Потомки их и поныне живут в Челябинской области.

¹⁰⁸ **Шелгунов Павел Никанорович** — генерал-майор, Минский губернатор (1864–1868), Могилевский губернатор (1868–1869).

¹⁰⁹ НИАБ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 277. Л. 1.

¹¹⁰ Сравни: [Świętorzicki A.]. Ze wspomnień wygnańca / Spisał Z. Kowalewska. — Wilno, 1911. — S. 8.

и Людмилы. Кроме того, матери их назначили ежегодную пенсию в 140 рублей от казны и 60 рублей из личных средств императрицы Марии Феодоровны.

Через несколько месяцев после убийства отца Даниила его супруга передала в Минскую духовную консисторию 40 рублей с просьбой переслать их в Палестину для поминовения священников Стефана и Даниила Конопасевичей при Гробе Господнем. Просьбу и деньги она передала через родного брата мужа, служащего консистории коллежского регистратора Константина Конопасевича¹¹¹. Консистория эти деньги переправила через Святейший Синод в Иерусалим. Так имя иерея-мученика поминалось в Святой Земле...

¹¹¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30404. Л. 1–1 об.

Глава III

Псаломщик Федор Юзефович

Вскоре после расправы над священником Даниилом Конопасевичем повстанцы в Минской губернии убили еще одного церковного служителя — псаломщика Федора Яковлевича Юзефовича, служившего в селе Святая Воля Пинского уезда.

Родился Федор Юзефович в местечке Телеханы Пинского уезда в семье священника. Образование получил в уездном духовном училище, которое окончил в 1847 году. В течение последующих лет служил то на должности пономаря, то псаломщиком при разных церквях Минского уезда. В 1860 году Минским архиепископом Михаилом (Голубовичем) Федор был посвящен в стихарь¹¹², а 25 марта 1861 года определен псаломщиком к Крестовоздвиженской церкви в село Святая Воля¹¹³. Любопытно, что до Юзефовича на его месте дьячком служил некто Стефан Конопасевич (возможно родственник Даниила Конопасевича), а после здесь проживала его вдова — Евдокия Конопасевич¹¹⁴.

По воспоминаниям знавших Федора Юзефовича людей, это был «истинно русский человек», глубоко преданный отечеству.

Сохранились сведения, что во время восстания он однажды догнал и отнял у некоего пана Кобылинского,

¹¹² **Стихарь** (греч. stihos — стих, строка, прямая линия) — священническая одежда, прямая, длинная, с широкими рукавами. Эта одежда усвоена всем трем степеням священства (диакон, священник, епископ). У священника и архиерея стихать называется подризником. В стихарь облачаются и иподиаконы, а также, по благословению епископа, чтецы и певцы.

¹¹³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40834. Л. 269 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 270 об.

избежавшего правительственных «рогаток» для осмотра проезжающих, порох и провизию для повстанцев¹¹⁵. Впрочем, насколько эта информация достоверна, сказать трудно. Как бы то ни было, но Юзефович стал жертвой повстанцев именно за свои патриотические убеждения.

Все произошло в нескольких верстах от Святой Воли в деревне Великая Гать, где находились усадьба священника и дом псаломщика. 1 июня 1863 года около 10 часов утра в дом Юзефовича пришли два неизвестных человека и, сказавшись путниками, попросили их накормить. Сам Федор в это время отсутствовал, находясь где-то по хозяйственным делам. Жена его Доминика Адриановна приняла незнакомцев и приготовила им угощение. За едой «странники» завели разговор с отцом Федора, заштатным священником села Телеханы Яковом Юзефовичем, проживавшим в доме сына со времени увольнения от должности. Хозяйка заметила, что эти люди «не здешней стороны» и, заподозрив в них повстанцев, послала за мужем.

Узнав о подозрениях супруги и, видимо почувствовав недоброе, Федор Яковлевич, прежде чем идти домой, зашел к соседу-крестьянину, чтобы с его помощью при необходимости задержать неизвестных людей. Придя к себе, он стал расспрашивать незнакомцев, кто они и откуда. Неожиданно в комнату вбежал испуганный старший сын Юзефовичей Алексей и сообщил, что «в село идут поляки». Все направились к выходу, чтобы узнать, кто именно приближается к деревне. Между тем находившиеся в доме незнакомцы, а это были «передовые» повстанческого отряда, стали убеждать, что идут русские казаки и, сделав испуганный вид, просили спрятать их куда-нибудь. Этой притворной игрой они,

¹¹⁵ Скрынченко Д. Ф. Я. Юзефович, (повешен поляками 1 июня 1863 г.) // Минские епархиальные ведомости. — 1909. — № 11. — С. 273.

видимо, хотели спровоцировать или сбить с толку Федора и тем задержать его в доме. Однако, когда все убедились, что в деревню входят повстанцы, Федор Яковлевич, прекрасно понимая, что для него ничего доброго от встречи с ними не будет, хотел скрыться. В этот момент один из незнакомцев приставил к груди псаломщика револьвер и грозно закричал: «Стой! Никуда не пойдешь! Ступай за мной в корчму!» К этому времени отряд повстанцев численностью около 200 человек уже вошел в деревню¹¹⁶. Предположительно это была часть большого отряда, рассеянного 21 мая около местечка Миловиды в Слонимском уезде¹¹⁷.

Схватив Юзефовича, повстанцы отвели его в корчму. Там над ним стали издеваться и упрекать в том, что он убеждал крестьян устраивать караулы и наблюдать за повстанцами, «чтобы не пропустить кого без вида», что настраивал крестьян вооружаться против них, когда те «хвалились сжечь» Великую Гать, как сожгли Святую Волю. Объяснив, что ему осталось «всего полчаса времени до смерти», начальник отряда¹¹⁸ велел отправить Юзефовича под караулом к местному священнику Николаю Лукичу Стояновичу. Между тем жена Федора с пятью детьми со слезами отчаянно умоляли повстанцев помиловать его. Отец — старик-священник

¹¹⁶ Коялович М. О. О мученической смерти дьячка Федора Иозефовича Минской губернии, Пинского уезда, Святовольского прихода. Со слов вдовы замученного Домны Иозифовичевой / Три мученические кончины // День. — 1863. — № 29. — С. 11.

¹¹⁷ Скрынченко Д. Памяти повешенного поляками псаломщика Юзефовича // Минское слово. — 1909. — № 722. — С. 2.

¹¹⁸ В рапорте в Минскую консисторию местный благочинный Тихонович называл фамилию руководителя отряда — Траугут. По другим свидетельствам командиром повстанческого отряда был Рогинский.

— ползал у них в ногах, прося пощадить сына. Но никакие уговоры не помогли¹¹⁹.

Федор исповедовался в гостинной священнического дома в присутствии нескольких вооруженных согладатаев. После исповеди повстанцы предложили отцу Николаю деньги «за труд». Но священник, естественно, отверг эту гнусную мзду и именем Христа стал упрашивать их пощадить жизнь своего сослуживца, хотя бы ради его малолетних детей. О том же, стоя на коленях, умоляла и супруга отца Николая. Но как бы назло повстанцы заявили, что повесят Юзефовича у ворот священнического дома и уже стали готовиться к тому. С большим трудом отец Николай сумел убедить не делать его двор местом убийства. Тогда повстанцы сговорились повесить Юзефовича на вербе, как раз напротив его дома, находившегося через улицу. Вместе с тем они потребовали, чтобы во время казни присутствовал и сам священник, но, услышав об этом, отец Николай впал в глубокий обморок, так что его оставили в покое¹²⁰.

Повесили Федора Юзефовича на вербе возле его дома на глазах у всей семьи. По воспоминаниям сына, веревка, видимо, неплотно охватила шею, так как его отец ухватился за дерево и несколько ослабил петлю. Заметив это, повстанцы потянули страдальца за ноги и умертвили его¹²¹. Было Федору в то время не многим более тридцати лет.

К телу повешенного приставили охрану, чтобы оно оставалось висеть «до третьего дня», и чтобы, по словам вешателей, «не только десятый, но и двадцатый видел и знал, как

¹¹⁹ Коялович М. О. Указ. соч. — С. 11.

¹²⁰ Станкевич В. Г. Письмо в Редакцию // Минские епархиальные ведомости. — 1910. — № 1. — С. 19–20.

¹²¹ Скрынченко Д. Ф. Я. Юзефович (повешен поляками 1 июня 1863 г.) // Минские епархиальные ведомости. — 1909. — № 11. — С. 274.

противодействовать полякам». При этом, воображая себя «рыцарями-благодетелями», оставили жене повешенного 30 рублей «на воспитание детей». Только постыдная эта подачка напоминала более циничное издевательство, нежели благодеяние, иудины сребреники, нежели милостыню¹²².

После убийства псаломщика весь отряд собрался на дворе священнической усадьбы. «Гости» хозяйничали в доме, амбарах, конюшне, забрали все, какие нашли, съестные припасы, а также муку, овес, повозки, упряжь и тому подобное. Затем частью там же на дворе, а частью на кладбище, расположенном при усадьбе за сараями, разложили костры и почти до вечера харчевались. Уходя из деревни, повстанцы забрали с собой и отца Николая. Его повезли в лес, в урочище под названием Млынóк, где была мельница, и там хотели повесить, для чего на одной из сосен уже приготовили веревку. Но появившийся неожиданно какой-то помещик, знакомый повстанцам, с большим трудом упробил их не убивать священника. Тогда отцу Николаю «на память» остригли волосы и бороду, переодели в жупан и отправили едва живого домой на телеге проезжавшего мимо крестьянина. В таком виде он и был доставлен уже на следующий день в Великую Гать. Примечательно, что перед тем как отца Николая собирались повесить, повстанцы предложили ему вступить в их отряд¹²³.

Похоронили псаломщика Федора Юзефовича в Святой Воле рядом с приходской церковью.

Повстанческий отряд, совершивший убийство Федора Юзефовича, после описанных событий двинулся через фольварки Плянт и Милодово к деревне Поречье.

¹²² Коялович М. О. Указ. соч. — С. 11.

¹²³ Станкевич В. Г. Указ. соч. — С. 20.

Когда военный начальник Пинского уезда получил известие о действиях повстанцев и их передвижениях, он направил в Поречье под командованием штабс-капитана Трофимова 13-ю роту Полтавского резервного пехотного полка с 10 казаками. Однако, придя на место, Трофимов не застал повстанцев и, узнав, что они направились к деревне Мохры, немедленно двинулся за ними. В то же время полковник Назимов выслал из Пинска наперерез повстанцам 14-ю роту с 50 стрелками и 5 казаками под командованием капитана Тишецкого. Обе роты соединились близ деревни Кончици и, преследуя неприятеля, настигли его 5 июня у деревни Вулька. Увидев приближающийся русский отряд, повстанцы бросились из деревни, где отдыхали, и бежали к близлежащим топким болотам, поросшим лесом. Военные преследовали беглецов до тех пор, пока те совершенно не скрылись из вида. При этом было убито 20 человек повстанцев, а со стороны военных — двое солдат и четверо ранено, один из которых вскоре умер¹²⁴.

После столкновения у Вульки обе роты вернулись в Пинск. В это же время уездному военному начальнику доложили о появлении повстанческого отряда в местечке Столин (некоторые предполагали, что это был тот же самый отряд). Против него тотчас же выслали под начальством майора Камрера 17-ю и 20-ю роты Полтавского резервного пехотного полка и 5 казаков. Настигнув повстанцев 11 июня за местечком Столин, майор Камрер дал бой. После двухчасовой перестрелки он штыковой атакой опрокинул неприятеля, загнав в болото. Это был крупный повстанческий отряд численностью около 500 человек под командованием Траугута. Чтобы окончательно уничтожить неприятеля,

¹²⁴ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. — Вильно, 1915. — С. 207—208.

майор Камрер блокировал засевших в болоте повстанцев и отправил посыльного с просьбой прислать в помощь еще одну роту. 12 июня из Пинска вышла под командой поручика Петровского 19-я рота с 50 стрелками и 5 казаками. Между тем повстанцам удалось выбраться из болот и уйти от преследования¹²⁵.

До августа в Пинском уезде о повстанцах слышно не было. Утром 6 числа пинский военный начальник получил известие, что повстанческий отряд численностью до 500 человек пришел из Слонимского уезда и расположился «на позиции близ корчмы Млынок, у границы Пинского уезда». Об этом сразу же были извещены командиры 13, 15 и 17-й рот Полтавского резервного полка, находившихся вблизи указанной местности. В поддержку им из Пинска выступила 5-я стрелковая рота с 13 казаками под командой майора Синицина, который должен был взять на себя командование всеми четырьмя ротами.

Между тем командовавший 13-й ротой подпоручик Гербановский, находившийся в Святой Воле, не дожидаясь прибытия остальных рот, немедленно отправился по указанному направлению и близ села Вулька-Обровская, застал повстанцев врасплох в то время, когда многие из них спали. Когда военные открыли батальонный огонь, повстанцы враспынную бросились бежать, не сделав ни единого выстрела. Преследование продолжалось достаточно долго. Прибывшие к месту боя остальные роты нашли дело уже завершенным. Для продолжения преследования в соседние леса Слонимского уезда послали несколько отрядов, человек по 100 каждый, но ни один из них не смог добыть сведений о дальнейшем направлении рассеявшихся повстанцев. Когда

¹²⁵ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. – Вильно, 1915. – С. 208.

поступило известие, что для поисков разбитого повстанческого отряда из Слонима выслано шесть рот, эти команды возвратились в Пинский уезд¹²⁶.

После смерти Федора Юзефовича в его семействе осталось пятеро сирот: Алексей (ученик Пинского училища) — 11 лет, Екатерина — 7 лет, Николай — 5 лет, Анна — 4 года и Мария — 1 год¹²⁷. Отец его, семидесятилетний священник, не перенес горя и 27 июля скончался¹²⁸.

Об убийстве Юзефовича, как и о смерти отца Даниила Конопасевича, одной из первых сообщила общественности московская газета «День», издаваемая И. С. Аксаковым. Материал о подробностях трагедии в редакцию прислал профессор Санкт-Петербургской духовной академии М. О. Коялович, пристально следивший за событиями, происходившими в родной ему Белоруссии. Препровождая материал И. С. Аксакову, Коялович писал: «Сообщаю вам два описания: мученической кончины сельского учителя в Ковенской губернии Викентия Смольского¹²⁹ и дьячка Федора Юзефовича в Минской губернии — этих невидных деятелей в нашем народном деле, но может быть действовавших на него самым благотворным образом. Оба они стояли у самого корня народной жизни. Дела этих маленьких по положению людей не легко могут быть известны теперь, когда наше внимание так задавливается крупными и грозными событиями. Некому взяться за раскрытие этих дел, да и некогда.

¹²⁶ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. — Вильно, 1915. — С. 301—302.

¹²⁷ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40834. Л. 269 об.

¹²⁸ *Скрынченко Д.* Памяти повешенного поляками псаломщика Юзефовича // *Минское слово.* — 1909. — № 722. — С. 2.

¹²⁹ **Смольский Викентий** — православный сельский учитель, служивший в местечке Субочь Поневежского уезда Ковенской губернии. Повешен повстанцами. — Г. Щ.

Но должно быть кому и должно быть когда — очертить хоть общее положение этих мучеников народного дела. Не должно быть, чтобы они сошли в тишину в безвестности об их подвигах. Сообщаемые описания их службы могут послужить хоть отчасти выполнением этого народного долга»¹³⁰.

Как только была получена эта печальная корреспонденция, редакция тотчас же выслала семье Юзефовичей через М. О. Кояловича 50 рублей серебром из сумм пожертвований, поступавших в редакцию газеты «в пользу семейств жителей, пострадавших от польских мятежников»¹³¹.

В скором времени на поддержание пострадавшего семейства генерал-губернатор М. Н. Муравьев передал через Минского временного военного губернатора В. И. Заболоцкого 400 рублей¹³², а Святейший Синод выдал семье Юзефовичей единовременное пособие в 150 рублей и назначил ежегодное содержание в 40 рублей, составлявшее годовой оклад псаломщика¹³³.

¹³⁰ Коялович М. О. Указ. соч. — С. 10.

¹³¹ Там же. — С. 11.

¹³² Скрынченко Д. Памяти повешенного поляками псаломщика Юзефовича // Минское слово. — 1909. — № 722. — С. 2.

¹³³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30545.

Глава IV

Память

Уже к осени 1863 года польское восстание было практически полностью подавлено, а к началу 1864 года исчезли его последние очаги. Многие участники восстания попали под суд: некоторых казнили, некоторых сослали в Сибирь или во внутренние губернии России. Так, в феврале 1864 года за участие в подготовке революционной организации в Минске были сосланы на жительство в город Чембар Пензенской губернии под строгий полицейский надзор Анна и Чеслав Свенторжецкие. Их сын, Болеслав, после разгрома отряда бежал сначала в Москву, а оттуда по поддельному паспорту за пределы России, в Париж. Лишившись всего у себя на родине, он не обрел покоя и на чужбине. Через год после описанных событий Болеслав потерял, возможно, самого близкого ему человека — жену Лауру, скончавшуюся во Франции 25 мая 1864 года¹³⁴. А еще через два месяца, 22 июля, в ссылке умер его отец¹³⁵.

Оказавшись в эмиграции без средств, Болеслав Свенторжецкий вынужден был поступить учиться в военную школу в Сен-Сир (Франция). После Французской коммуны он выполнял обязанности коменданта в Алжире. Затем переехал в Венецию по просьбе матери, которая после ссылки поселилась в Италии¹³⁶. Однако, не обрета душевного покоя, несчастный Болеслав окончил дни, застрелившись из

¹³⁴ НИАБ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 20104. Л. 25.

¹³⁵ 1863 год на Міншчыне (Rok 1863 na Minszczyźnie) / J. Witkowski i інш. — Мінск, 1927. — С. 129.

¹³⁶ *Гарбачова Вольга*. Паўстанцы 1863 года на фотаздымках // ARCHE. — 2010. — № 12. — С. 130.

пистолета¹³⁷. Дочь его София (в замужестве Прозор), так, кажется, и не вернулась в Белоруссию, а проживала в Венеции. Доставшиеся ей от матери имения были распроданы по суду за долги отца. Накануне восстания Болеслав Свенторжецкий одолжил огромную сумму у соседей-помещиков, которая и была взыскана с его дочери после продажи имений.

Лясковскому также удалось выехать за границу. После разгрома отряда он почти всю зиму просидел в лесу недалеко от Игумена в землянке, куда раз в неделю ему приносили еду, «и откуда он не смел вылезть ни под каким видом, если не желал быть пойманным». Затем он перебрался в Петербург, где даже приходил посмотреть на некоторых сотоварищей, шедших этапом на каторгу. Об этом сообщал находившийся в этапе Владислав Баратынский¹³⁸. Сам же Баратынский полностью отбыл каторжный срок, к которому был приговорен, и впоследствии написал воспоминания об участии в повстанческом отряде, аресте, суде и пр. Любопытно его внутреннее перерождение. Повзрослев и многое переосмыслив, он писал в предисловии к запискам: «В своих воспоминаниях я строго придерживался правды, писал только то, что сам испытал или чему был очевидцем, избегая пристрастия или патриотическо-фанатической ненависти; впрочем, после 23 лет, протекших после описанных событий, о фанатической ненависти не может быть и речи, — я теперь не поляк, а славянин, а потому на мятеж 1863 года смотрю как на вполне безумную мечту, ненужную ссору двух братьев — и кто в этом больше виноват, кто прав, для меня все единственно, я только накопил массу фактов, а судить об этом не берусь; передать

¹³⁷ Мальцев Евгений, священник. Указ. соч. — С. 770.

¹³⁸ Баратынский В. А. Указ. соч. — № 9. — С. 589.

же эти факты в общее сведение считаю полезным, дабы показать до чего, до каких страданий может довести увлечение несбыточными фантазиями и нелепыми мечтами»¹³⁹.

А страданий «несбыточные фантазии и нелепые мечты» действительно принесли немало...

После убийства священника Даниила богушевичский приход в начале июля 1863 года временно возглавил заштатный священник Игнатий Волочкович «до назначения постоянного священника». В это время к младшей сестре Елены Ивановны Конопасевич Александре посватался выпускник Минской духовной семинарии Иван Рункевич¹⁴⁰. 2 февраля 1864 года они обвенчались в божинской Ильинской церкви, а 29 марта Иван был рукоположен в сан священника и назначен на Богушевичский приход¹⁴¹.

В 1866 году сгоревшую Крестовоздвиженскую церковь заново отстроили за государственный счет¹⁴².

Построенный в Богушевичах Свенторжецкими каменный костел после конфискации имения был передан

¹³⁹ Баратынский В. А. Указ. соч. — № 8. — С. 421.

¹⁴⁰ **Рункевич Иоанн Стефанович** (14.09.1840–10.05.1874) — священник, родной дядя известного церковного историка и археографа С. Г. Рункевича. Родился в семье дьячка села Березов Мозырского уезда Минской губернии. Образование получил в Пинском духовном училище и Минской духовной семинарии (1857–1863). 22 марта 1864 г. рукоположен Минским архиепископом Михаилом (Голубовичем) в церкви Архиерейского дома в сан диакона, а 29 марта в той же церкви в сан иерея. 14 апреля 1864 г. назначен священником в местечко Богушевичи. Скончался от тифа, похоронен рядом с могилой священника Даниила Конопасевича. После его смерти остались четверо детей. Автор статей: Случай из народного суеверия // Минские епархиальные ведомости. — 1871. — № 8. — С. 60–61; Из Минской губернии: о положении сельского священника и о действиях евреев // Современность. — 1873. — № 52. — С. 2–3.

¹⁴¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30586. Л. 6–10.

¹⁴² После революции 1917 г. Крестовоздвиженская церковь была разрушена и по сегодняшний день не восстановлена.

православно-духовному ведомству. Еще в октябре 1863 года богушевичские прихожане обратились к Минскому архиепископу Михаилу с просьбой передать им в пользование вместо сгоревшей в 1862 году приходской церкви «каплицу», находившуюся в саду бывшей усадьбы помещика Свенторжецкого. Просьбу они мотивировали тем, что «каплица эта построена трудами и почти собственными средствами прихожан во время нахождения их в крепостной зависимости»¹⁴³.

В июне 1864 года прошение прихожан о передаче «каплицы» православному приходу было удовлетворено. Одной из причин передачи костела явилась и та, что перед восстанием Болеслав Свенторжецкий использовал его как склад для хранения оружия¹⁴⁴. Хотя просьбу и удовлетворили, у прихода, однако, не оказалось средств на реконструкцию и переоборудование костела.

В поисках денег богушевичский церковный совет решил обратиться за помощью к главному начальнику края М. Н. Муравьеву. В феврале 1865 года совет направил письмо, в котором ходатайствовал перед генерал-губернатором о выделении приходу 1000 рублей на перестройку богушевичской «каплицы» в православный храм. «Каплица эта была построена Свенторжецким, — писали члены церковного совета, — но много потрудились в постройке ее бывшие его крестьяне, прихожане Богушевичской церкви. Цель постройки таковой каплицы у Свенторжецкого была та, чтобы привлечь народ к католицизму, и со временем водворить всевозможными мерами Римо-Католическую

¹⁴³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1638. Л. 3.

¹⁴⁴ Самуэль В. Эканамічна-культурнае становішча мястэчка Багушэвічы // Наш край. — 1927. — № 3. — С. 31.

религию. Но мечта чуждая и противная нашей народности не осуществилась. По распоряжению Промысла Божия и мудрым мерам Правительства, и зловердный мечтатель погиб, и каплица, имевшая послужить для славы католицизма, перешла в руки тех, кто жертвовал для нее своими последними трудами и может послужить теперь, наперекор католицизму, для славы Православия. В благоговении пред Промыслом Божиим и с благодарностью за спасительный переворот, прихожане охотно согласились бы и приняться за переделку таковой каплицы, но бедность народа не позволяет осуществить благого намерения, прихожане не в состоянии устроить Церковь своими средствами из таковой каплицы, потому что она требует немалой суммы для приличного своего устройства. Для устройства иконостаса и на некоторую достройку требуется одна тысяча рублей серебра»¹⁴⁵. В заключение члены совета добавляли: «Перестроить эту каплицу на Церковь необходимо для памяти кровавых сцен, бывших в Богушевичах, и мученической кончины местного Пастыря о. Конопасевича, принесшего в жертву свою жизнь преданности Престолу, и для ознаменования торжества Отечества и Православия»¹⁴⁶.

Прошение богушевичских прихожан М. Н. Муравьев перенаправил Минскому губернатору для уточнения суммы, необходимой на переоборудование костела. Губернские власти командировали в Богушевичи гражданского инженера А. Скуратова, поручив ему на месте ознакомиться с делом, подготовить проект реконструкции и составить смету на выполнение необходимых работ.

¹⁴⁵ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1638. Л. 28–28 об.

¹⁴⁶ Там же.

Скуратов составил смету в 770 рублей. Минский губернатор сообщил об этом уже новому начальнику края — К. П. фон-Кауфману, который и распорядился выделить необходимую сумму. Кроме того, фон-Кауфман от себя пожертвовал приходу деньги и подарил для алтаря деревянной Крестовоздвиженской церкви серебряные позолоченные крест и дарохранительницу. Значительные пожертвования приход получил от московского издателя И. С. Аксакова.

Всеми работами по переустройству богушевичского костела руководил А. Скуратов. Помимо частичной реконструкции здания, необходимо было устроить внутри алтарь по образцу православных храмов, для чего заказали иконостас. Изготовлением и резьбой его деревянной части занимался местный мастер, житель местечка Смиловичи Игуменского уезда Иван Егоров, а иконы писал московский иконописец Егор Егорович Зотов¹⁴⁷, работавший в это время по приглашению архиепископа Михаила (Голубовича) в Минской епархии. В общей сложности Зотов написал 22 иконы. Все работы по плану предполагалось закончить к 1 января 1868 года.

В это же время в среде духовенства Минской епархии начался сбор средств для устройства на могиле священника Даниила Конопасевича достойного памятника.

Когда работы по перестройке костела приближались к завершению, архитектор Скуратов предложил перенести в него останки отца Даниила. Однако местное духовенство категорически высказалось против этой идеи, назвав следующие причины. Первая, «что если прах покойного священника Конопасевича перенесут с церковного погоста в склеп

¹⁴⁷ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1638. Л. 50–51.

каменной часовни, то этим утратится историческое значение всех местных обстоятельств мученической его кончины, так как против настоящей могилы покойного стоит священнический дом, в котором жил покойный Конопасевич, а возле дома стоят те самые ворота, на которых покойный был повешен мятежниками, все это очень живо напоминает каждому о мученической кончине Пастыря церкви и о варварском поступке врагов отечества». Вторая, «что сами прихожане Богусевичской церкви, родственники и жена покойного не желают, чтобы прах его был переносим с церковного погоста в сказанную часовню, и был поставлен в ряду прахов помещиков-католиков, которые при жизни своей были совершенно враждебны всему русскому по своему национальному настроению, духу и вере, а по смерти оставили о себе в народе память совершенно противоположную памяти бывшего его друга, защитника и советника, священника Даниила Конопасевича»¹⁴⁸.

30 июня 1869 года совершилось торжественное освящение вновь устроенной церкви¹⁴⁹. Освящение совершал преосвященный Александр (Добрынин), епископ Минский и Бобруйский, в присутствии Минского губернатора Е. А. Касинова, гражданских чиновников и большого стечения народа. Церковь была освящена в память отца Даниила — во имя его небесного покровителя Даниила-пророка.

В 1870 году на могиле иерея-мученика ко дню его смерти был установлен памятник, сооруженный на пожертвования духовенства Минской епархии. Гроб был обведен каменной аркой, затем возведен фундамент, и на нем

¹⁴⁸ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1638. Л. 78.

¹⁴⁹ Храм этот считался приписным к главной Крестовоздвиженской церкви.

установлен гранитный, увенчанный крестом, памятник¹⁵⁰. На лицевой стороне его была сделана надпись: «Здесь покоится прах священника Богушевичской церкви Даниила Конопасевича, повешенного польскими мятежниками 23 мая 1863 г.». На обратной стороне: «Жил 31 год, священствовал 8 лет. Памятник сооружен на приношения духовенства Минской епархии»¹⁵¹.

23 мая на освящение памятника в Богушевичи съехалось окрестное духовенство и множество народа. Ко дню освящения император Александр II в память о мученической кончине священника Даниила подарил для Свято-Данииловской церкви великолепную икону трех виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия¹⁵².

¹⁵⁰ Основание памятника состояло из трех плит, а сам памятник был сделан из цельного камня с каменным крестом наверху (высотой вместе с крестом 2 аршина 11 вершков).

¹⁵¹ *Пастернацкий Роман, священник*. Торжественное внесение иконы, пожертвованной Государем Императором в Богушевичскую церковь, и освящение памятника на могиле пострадавшего от мятежников священника Даниила Конопасевича // Минские епархиальные ведомости. — 1870. — № 14. — С. 354–357.

¹⁵² *Пастернацкий Роман, священник*. Торжественное внесение иконы, пожертвованной Государем Императором в Богушевичскую церковь, и освящение памятника на могиле пострадавшего от мятежников священника Даниила Конопасевича // Минские епархиальные ведомости. — 1870. — № 14. — С. 354–357.

В 1906 году сын отца Даниила Алексей Конопасевич¹⁵³, проживавший тогда в местечке Березино, устроил вокруг памятника дубовую ограду, а на кресте — металлический венок. В начале XX столетия могила содержалась в хорошем состоянии и нередко навещалась сыном и супругой покойного, Еленой Ивановной († после 1909). Сама Елена Ивановна жила уже в городе Игумене. Приблизительно в 1880 или 1881 году она вторично вышла замуж, и взяла фамилию нового супруга — Заммер¹⁵⁴. Видимо тогда она и переехала в Игумен.

Не осталось в забвении и имя псаломщика Федора Юзефовича.

В начале 1903 года его младшая дочь Мария, учительница Свирианской церковно-приходской школы Слонимского уезда, обратилась в Минскую духовную консисторию с просьбой разрешить ей поставить памятник отцу на земле, принадлежавшей к Святовольской церкви. По ее словам, могила отца после перестройки храма оказалась под спудом, а ей хотелось бы иметь видимый знак погребения своего

¹⁵³ **Конопасевич Алексей Даниилович** (1861 — после 1911). Обучался на казенном содержании в Кронштадтской классической гимназии (1871–1880), затем в С.-Петербургском университете, который в 1885 г. окончил со степенью кандидата физико-математических наук. По окончании университета назначен Учебным комитетом при Святейшем Синоде преподавателем математики и физики в Вятскую духовную семинарию, где прослужил 4 года. В 1889 г. переведен на должность преподавателя математики в Поневежское реальное училище Виленского учебного округа. В 1894 г. поступил чиновником на службу в Минское акцизное управление. С 1898 по 1907 г. жил в местечке Березино Минской губернии. В 1907 г. в должности старшего помощника надзирателя акцизных сборов перевелся в город Вологду, забрав с собой мать — Елену Ивановну.

Конопасевич Людмила Данииловна получила образование в Белостокском институте. В 1884 г. вышла замуж за старшего помощника акцизного надзирателя Минской губернии Швецов. Скончалась в 1900 г., не оставив после себя детей.

¹⁵⁴ НИАБ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 277. Л. 65.

родителя. Мария Федоровна предложила и надпись на предполагаемом памятнике: «На сем месте умер в 1863 г. от польских мятежников за веру и отечество Феодор Юзефович». Минская духовная консистория дала разрешение, и в Великой Гати на месте, где повесили Федора Юзефовича, его дочь установила небольшой памятник¹⁵⁵.

С течением времени память о священнике-мученике Данииле и псаломщике Федоре Юзефовиче не замирала¹⁵⁶. В начале 1870-х годов их имена в числе 349 имен жертв, погибших от рук повстанцев в 1863 году, были начертаны золотыми буквами на памятных досках из черного гранита в Пречистинском соборе в Вильно. Эти памятные списки жертв польского восстания сохранились до сего дня, и возглавляют их имена православных священников Даниила Конопасевича, Романа Рапацкого и Константина Прокоповича.

Помнили о священнике Данииле и в Минской духовной семинарии, где имя его всегда с теплым чувством вспоминали в ряду славных воспитанников, ставших известными деятелями на разных поприщах церковного, общественного и государственного служения.

Воспоминания о священнике-мученике еще более оживились в начале XX столетия, когда после выхода в апреле 1905 года известного Указа «Об укреплении начал веротерпимости» в западных областях империи стала активно меняться национально-конфессиональная обстановка. Так, в

¹⁵⁵ Скрынченко Д. Памяти повешенного поляками псаломщика Юзефовича // Минское слово. — 1909. — № 722. — С. 2.

¹⁵⁶ Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православной Церковью Западно-русских униатов. Соборные деяния и торжественные служения 1839 г. — СПб., 1889 и др.

Белоруссии в это время заметно активизировалась польская и католическая пропаганда, и стали массовыми случаи перехода из православия в католичество. В селах искусственно открывались польские школы, часто там, где в этом не было совершенно никакой нужды, и при этом во многих случаях открывались в обход закона, тайно. Ксендзы раздавали народу листовки с призывами переходить в католичество, распространяли слухи о якобы законном восстановлении унии. Помещики-поляки оказывали разного рода давление на крестьян. Так, например, некоторые помещики соглашались сдавать земли в аренду крестьянам только в том случае, если последние примут католицизм. Вот что писал о создавшейся ситуации обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев: «...отпадения лишь в редких случаях зависят от сознательного убеждения. А на окраинах наших они совершаются без всякого убеждения, давлением на массу. Давлением от помещиков, чиновников, ксендзов, там, где прошла рука польского владычества, как в Северо-Западном крае, на массу, состоящую в материальной зависимости»¹⁵⁷.

Когда все более и более нарастающая польско-католическая пропаганда стала печальной реальностью, а национальные и конфессиональные проблемы заметно обострились, в церковной среде начала пробуждаться и историческая память. Тогда вновь вспомнили о священнике-мученике Данииле Конопасевиче. Одной из первых публикаций, посвященных памяти отца Даниила, стало стихотворение А. Петрова, напечатанное в 1907 году в «Братском Листке» — печатном органе учрежденного в том же году в

¹⁵⁷ Цит. по: Ореханов Георгий, иерей. На пути к Собору. — М.: изд. Правосл. Свято-Тихоновского Богослов. института, 2002. — С. 73.

Минске Православного народного братства во имя Животворящего Креста Господня¹⁵⁸. Причиной появления этого братства как раз и послужили события, связанные с последствиями упомянутого Указа 1905 года. Вот какие строки посвятил автор памяти отца Даниила.

Незаметный герой в небогатом селенье
Нашей Минской губернии жил —
Пастырь добрый, учивший о вечном спасенье,
Чистый сердцем — отец Даниил.

Было время крамолы врагов православья:
Бунт затеяла польская знать,
Омраченная злобой и чувством тщеславья,
Силясь Польшу белую создать.

Там, где исстари русское царство сложилось,
Колыбель нашей веры была,
Вдруг повстанцев мятежная шайка явилась
И народ на мятеж подняла.

Издеваясь позорно над Божьими храмами,
Православную веру хуля,
Отбирали ксендзы наши церкви обманами;
Орошалась слезами земля.

¹⁵⁸ Петров А. Памяти мученика за веру и народность отца Даниила Конопасевича священника с. Богушевичи Игуменского уезда // Братский Листок. — 1907. — № 6. — С. 3.

Незаметный герой небольшого селенья,
С чисто русской душой, молодой —
Иерей Даниил не стерпел оскорбления:
Его голос звучал над толпой.

«Не пугайтесь, прихожане, дети любимые,
Исполняйте, что я говорю:
Пострадаем за веру святую гонимые,
Будем русскому верны Царю!»

Передав прихожанам свое вдохновенье,
В волостную избу их собрал,
И о польском господстве панов объявление
Снял и в клочья его изорвал.

«Не бывать здесь поляков господству надменному:
Русь не склонит своей головы!
Православную веру ксендзовству презренному
Не дадите в обиду и вы».

Незаметный герой в небогатом селении
Подвиг жизни своей совершил...
Изуверами польскими в злом ослеплении
Был замучен отец Даниил.

На церковном дворе перед сыном малюткою,
Пред любимой женою своей
Был повешен под крики врагов с прибауткою
Православный герой — иерей.

Но за то, все, что он говорил, то и сбудется!..
Серебрясь лучезарной росой,
Его тихий могильный приют не забудется,
Орошаемый русской слезой¹⁵⁹.

В это время в среде минского духовенства возникла идея увековечить память иерея-мученика Даниила постройкой в Богушевичах часовни-памятника. На проходившем 3–10 октября 1908 года Минском епархиальном съезде духовенства священник Петр Сущинский (†1916) поднял вопрос об установлении достойного памятника на могиле священника Даниила Конопасевича. По сообщению отца Петра, памятник, устроенный в 1870 году, пришел в плачевное состояние: покосился, надпись на нем истерлась, а ограда подгнила и обрушилась. Отец Петр заявил съезду о необходимости изыскать средства для постановки на могиле мученика нового, «достойного имени почившего, памятника» и устроить вокруг него ограду; торжественно обставить открытие и освящение, сделав торжество это не только местным, но и общепархиальным. Вспомнили и о другом «мученике за веру православную» — псаломщике Федоре Юзефовиче. Предложение отца Петра Сущинского духовенство поддержало, и тогда же был образован Комитет по сбору пожертвований на строительство памятников священнику Даниилу Конопасевичу и псаломщику Федору Юзефовичу. Председателем Комитета избрали соборного протоиерея Владимира Успенского, а членами — священника заславской церкви Петра Сущинского и священника

¹⁵⁹ Петров А. Указ. соч. — С. 3.

богушевичской церкви Евгения Мальцева. Кроме подготовки проекта памятников и сбора необходимых средств, Комитету поручалось как можно торжественнее отпраздновать освящение и открытие памятников, а также издать особый листок с описанием жизни и мученического подвига отца Даниила Конопасевича и псаломщика Федора Юзефовича. Памятники было поручено поставить не позднее весны или лета 1909 года. Кроме того, участники епархиального съезда постановили «просить духовенство епархии занести имена священника Конопасевича и псаломщика Юзефовича в церковные поминальники для вечного поминовения, а в ближайший воскресный день ко дню их смерти совершать в церквях панихиды об упокоении их души с произнесением соответствующих поучений»¹⁶⁰.

Однако едва благое дело было начато, как пришли и искушения. Появились непредвиденные препятствия, и все дело стало сильно затягиваться. Вот что писал священник Петр Сушинский в сентябре 1909 года на страницах «Минских епархиальных ведомостей» об искушениях, с которыми пришлось ему столкнуться: «Крепкими словами называли меня и на страницах газет и в частной переписке. Грешен, не мог спокойно отнестись к незаслуженной обиде, кровью обливалось сердце, болела душа, падала энергия. Но твердое убеждение в том, что Минская епархия, по примеру Киевской и Волынской, должна увековечить память борцов за русское православное дело, никогда меня не покидала.

¹⁶⁰ Постановление Минского Епархиального съезда духовенства // Минские епархиальные ведомости. — 1908. — № 20–21. — С. 717–720.

Я верю, что незабвенные могилы о. Конопасевича и Юзефовича будут украшены часовнями, где русскому православному человеку можно будет излить в молитве свою душу и помянуть самоотверженных страдальцев за отчизну»¹⁶¹.

Хлопотами отца Петра Сушинского к 1910 году епархиальным архитектором был составлен проект памятника-часовни, и собрано более 1000 рублей пожертвований.

Между тем Алексею Конопасевичу, проживавшему в то время в Вологде, стало известно о постановлении Минского епархиального съезда. С большой сердечной радостью и благодарностью воспринял он то внимание, какое оказало духовенство Минской епархии памяти его отца. Однако его смутило то обстоятельство, что съезд не совсем верно был проинформирован о состоянии могилы священника Даниила. Алексей Даниилович написал письмо председателю Комитета протоиерею Владимиру Успенскому, в котором изложил пожелания и в некотором смысле требования, как сына, относящиеся к обустройству могилы отца. В действительности гранитный памятник на могиле священника Даниила Конопасевича сохранился хорошо, совсем не имел следов разрушения, и был «вовсе не убогий» и «нисколько не покосился», а крепко стоял на своем фундаменте. Единственное, что поддавалось действию времени, это надписи на обеих сторонах памятника — позолота букв совсем исчезла, вследствие чего надписи потеряли ясность. Кроме того, полировка гранита, как креста, так и корпуса памятника, «совершенно выгорела», и памятник имел вид не блестящий, а матовый.

¹⁶¹ *Сушинский Петр, священник.* Письмо в редакцию // Минские епархиальные ведомости. — 1909. — № 18. — С. 461–462.

Ограда же, как упоминалось выше, была совсем новая, дубовая.

Алексей Данилович обратился к председателю Комитета с просьбой не возводить никаких новых сооружений на могиле отца. Он просил лишь немного отреставрировать старый памятник: «Не трогая с места, заново отшлифовать и буквы его надписей позолотить чистым золотом». Если же полировка невозможна была без снятия памятника с места, то Алексей Данилович просил Комитет «ограничиться лишь одной позолотой букв и краев памятника». Деревянную ограду он просил заменить на железную кованую, «но не чугунную», так как кованая ограда более долговечна. Остаток же денег, собранных на памятник, он просил сохранить в качестве неприкосновенного фонда для учреждения при Минской духовной семинарии из процентов с этого капитала ежегодной стипендии имени отца Даниила Конопасевича, «имеющей назначаться наиболее религиозному и нравственному ученику 6-го класса этой семинарии»¹⁶².

Признавая за Алексеем Конопасевичем юридическое и нравственное право быть хозяином могилы отца, Комитет естественно согласился не сооружать новый памятник, а ограничиться реставрацией старого. Из остатков собранных денег действительно был образован неприкосновенный фонд, и в 1911 году при Минской духовной семинарии была учреждена стипендия имени священника Даниила

¹⁶² Копия рапорта на имя Минской Духовной Консистории бывшего настоятеля Минского Кафедрального собора, протоиерея Владимира Успенского, от 7 мая 1910 года за № 198 // Минские епархиальные ведомости. — 1910. — № 21. — С. 436–437.

Конопасевича, выдававшаяся одному из беднейших воспитанников, изъявлявшему желание посвятить свою жизнь пастырскому служению¹⁶³.

Затянулось также и дело с устройством памятника на могиле Федора Юзефовича: установлен он был, не как предполагалось в 1909-м, а лишь в 1911 году. Сооружен памятник был, как сообщали газеты, «на средства, пожертвованные русскими людьми, патриотами». Его торжественное открытие и освящение состоялось 14 сентября 1911 года. На торжество в Великую Гать от Минского православного народного братства прибыла депутация в лице священника Петра Сущинского и отставного полковника Ивана Андреевича Манцетова.

Памятник представлял собой высокий постамент, увенчанный большим четырехконечным крестом. На лицевой стороне на белых мраморных досках имелась надпись: «Псаломщику Федору Яковлевичу Юзефовичу, повешенному поляками в 1863 году». Памятник окружала ажурная металлическая ограда. По воспоминаниям старожилов, установлен он был в самом центре деревни на небольшой площади.

В 1920-е годы, во время польской оккупации Западной Белоруссии, находившиеся в Великой Гати польские офицеры обратили внимание на памятник и надпись на нем. По их приказу памятник был разрушен.

А через некоторое время произошла любопытная история. Местных парней стали призывать на службу в польскую

¹⁶³ Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1911. — № 13–14. — С. 272.

армию. И вот как-то трое таких призывников решили сделать своего рода «оброк» (обет), чтобы Господь благословил их и сохранил от всякой опасности во время службы. За ночь в лесу они вырубили топорами деревянный крест и к утру установили его возле того места, где стоял раньше памятник. Так этот обетный крест и остался стоять там на многие годы. Случай этот красноречиво свидетельствует о том, что местные жители почитали памятник-крест как святыню.

Уже во времена советской власти обетный крест вместе с еще несколькими придорожными крестами был ночью спилен местными активистами и брошен в канаву. Обнаружив наутро, что креста нет, жители деревни разыскали его, достали из канавы и установили на кладбище, где он находится и поныне.

В годы послереволюционной смуты скорбная чаша не обошла стороной и Богушевичи. С августа 1919 по июль 1920 года весь бывший Игуменский уезд оказался оккупированным польскими войсками. Это время, ознаменовавшееся убийствами, грабежами и издевательствами со стороны поляков, стало настоящим бедствием для местного населения¹⁶⁴. Во время польского владычества Свято-Данииловская церковь в Богушевичах была отобрана у православных и передана католикам согласно распоряжению генерального комиссара восточных земель о возвращении римо-католическому духовенству костелов и каплиц, переданных в храмы греко-русского исповедания. Видимо в это же время был

¹⁶⁴ Б.-Валадункі Язэп. Белапольская акупацыя Чэрвіншчыны // Наш край. — 1930. — № 5–6. — С. 44–46

разрушен и закопан в землю памятник отцу Даниилу Конопасевичу.

Уже в годы советской власти во время гонений на Церковь безбожники сожгли деревянную Крестовоздвиженскую церковь, а бывшую Свято-Данииловская разорили¹⁶⁵. Кажется, что после всего происшедшего должно было исчезнуть и всякое воспоминание о священнике-мученике. Но мало того, еще и само имя отца Даниила было покрыто клеветой. Показательно упоминание о нем, написанное Владимиром Короткевичем и Адамом Мальдисом. Вот что писали упомянутые авторы в своем очерке о восстании 1863–1864 годов: «8 мая в двадцати верстах от Игумена, возле деревни Юревичи, загремела пятнадцатичасовая битва. Карателям удалось разгромить инсургентов. Были захвачены пленные. Началась расправа. Один из раненых повстанцев просил пить, и тогда поп Конопасевич, руководствуясь, видать, учением о христианской милости, насыпал ему в рот песка»¹⁶⁶. Вот так, ни больше, ни меньше — руководствуясь «учением о христианской милости, насыпал ему в рот песка»...

Однако, несмотря на все, светлая память об отце Данииле не затерлась, и его доброе имя не исчезло бесследно в потоке бурных событий. Так в 1980-е годы в Богушевичах сведения о священнике Данииле Конопасевиче начал собирать учитель богушевичской средней школы Петр Авраамович Прибыткин (†2005). Он же и разыскал разрушенный памятник, занявшись с сыном Владимиром (†2004)

¹⁶⁵ Крестовоздвиженская церковь так и не восстановлена, а бывшая Свято-Данииловская сегодня восстанавливается как католический костел.

¹⁶⁶ *Караткевіч У., Мальдзіс А.* Горад паўстае 1863–1864 гг. / Горад і годы. — Мінск, 1967. — С. 25.

восстановлением поруганной могилы. Вместе с ними активное участие в деле восстановления памятника приняли божинский священник Константин Логис и его супруга Ирина Васильевна. Положенный сельским учителем почин поддержали жители Богушевич: общими усилиями могила отца Даниила и памятник в 1999 году были восстановлены и освящены¹⁶⁷.

Также и в деревне Великая Гать по сегодняшний день возвышается на деревенском кладбище огромный деревянный крест, напоминающий о некогда стоявшем в деревне памятнике Федору Юзефовичу¹⁶⁸. Местные жители уже совсем не знают историю, происшедшую в далеком 1863 году, но среди них неизменно сохраняется особое уважение к этому месту. Помнят они лишь о «каком-то» повешенном человеке, да еще о «золотом кресте», что стоял когда-то в их деревне.

¹⁶⁷ *Бычкоўскі А.* Загінуў за веру і любоў да айчыны // Сцяг Леніна. — 1999. — 27 лістапада.

¹⁶⁸ Сейчас крест почти на метр меньше прежнего. Со временем он подгнил у основания и обломился, так что местным жителям пришлось вкопать его снова, за счет чего он стал ниже.

Лаура и Болеслав Свенторжецкие

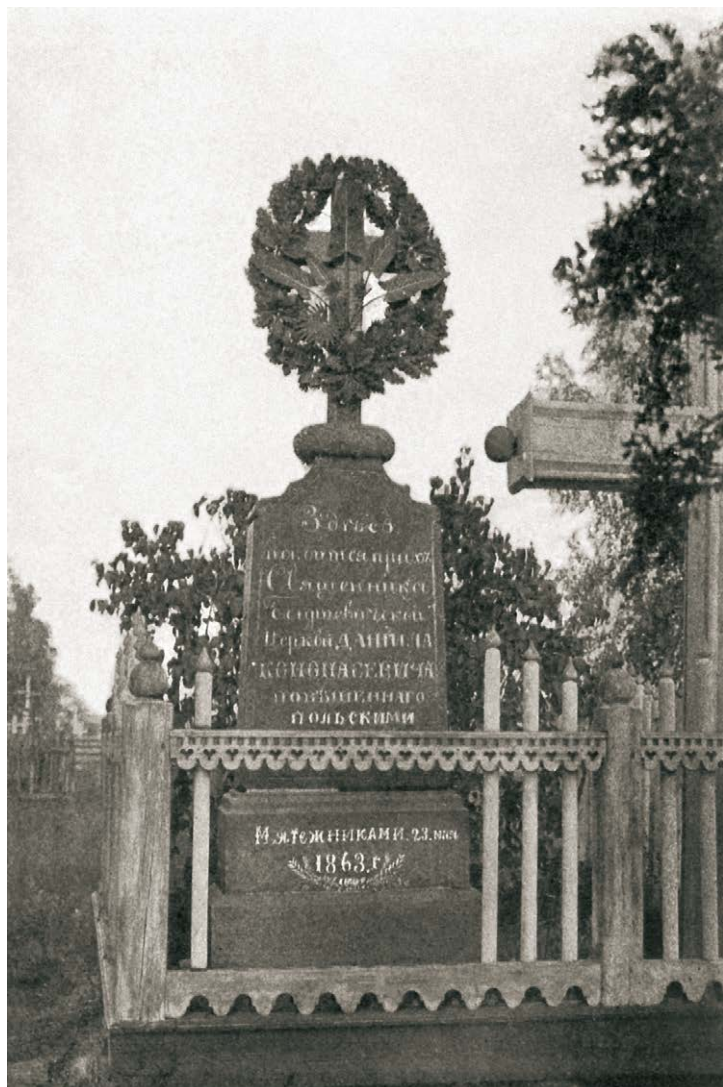

Подобные листовки поляки распространяли накануне восстания 1863–1864 гг.

Прокламация, найденная в обозе повстанческого отряда Нарбута, разогнанного 15 июля 1863 г. русскими военными в Пинском уезде Минской губернии.

Надписи на прокламации: "Это ты, поп, будешь так висеть, если не исправишься!!! Если у тебя еще чешется язык брехать в церкви хлопам бредни, то лучше наколи его шпилькой!! А вороны будут насыщаться твоим телом!!! Ах, какая же это будет позорная смерть???"

Памятник на могиле священника Даниила Конопасевича (фото начала XX в.). Справа, в ограде, виден крест над могилой священника Иоанна Рункевича, скончавшегося в 1874 г.

**Вид восстановленного памятника на могиле священника Даниила
Конопасевича (фото 2005 г.)**

Вид памятника на могиле священника Даниила Конопасевича с обратной стороны (фото 2005 г.)

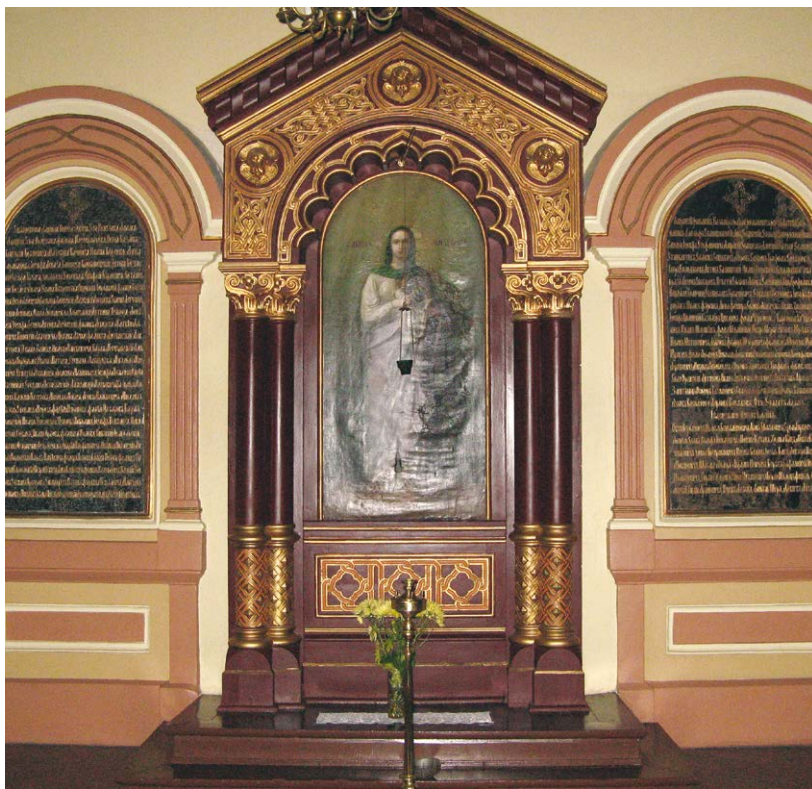
Вид памятника на могиле священника Даниила Конопасевича с боковой стороны (фото 2005 г.). В верхней части, справа, видны следы вандализма

Храм в честь святого пророка Даниила, переделанный и освященный в 1869 г. из католического костела (фото XIX в.)

Бывший храм в честь святого пророка Даниила, переделанный и освященный в 1869 г. из католического костела. Ныне восстанавливается как католический храм (фото 2005 г.)

**Памятные гранитные доски с именами жертв польского восстания
1863–1864 гг. в Пречистенском соборе города Вильнюса**

Памятная гранитная доска с именами жертв польского восстания 1863–1864 гг., список которых возглавляют имена православных священников Даниила Конопасевича, Романа Рапацкого и Константина Прокоповича

Старинный крест на кладбище в деревне Великая Гать, сооруженный в память псаломщика Федора Юзефовича

Источники и литература

1. А. А. Пастыри-мученики // Церковные Ведомости. — 1909. — № 16. — С. 697–701.
2. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 1. Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 года по май 1863 года. — Вильно, 1913. — 464 с.
3. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. — Вильно, 1915. — 466 с.
4. Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической и государственной жизни. — Минск, 1990. — 292 с.
5. Баратынский В. А. Последняя польская смута 1863 г. (воспоминания) // Русская Старина. — 1886. — №8. — С. 421–446; № 9. — С. 583–604; № 10. — С. 185–209.
6. Б.-Валадуцкі Язэп. Белапольская акупацыя Чэрвіншчыны // Наш край. — 1930. — № 5–6. — С. 44–46.
7. Белецкий А. В. Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России. — Вильно, 1902. — 83 с.
8. Бычкоўскі А. Загінуў за веру і любоў да айчыны // Сцяг Леніна. — 1999. — 27 лістапада.
9. Воронин В. Е. Польское восстание 1863–1864 гг. — <http://www.portal-slovo.ru>
10. Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: Сборник документов / [АН СССР, Ин-т славяноведения и др.:

- предисл. Ю. Жюгжды, В. Неупокоева; редкол.: В. Дьяков и др.]. — М.; Wrocław: Наука, 1965. — LIV, 586 с.
11. *Гарбачова Вольга*. Паўстанцы 1863 года на фотаздымках // АРСНЕ. — 2010. — № 12. — С. 99–132.
 12. Годы испытаний и мужества / Сост. Н. С. Орехво, Н. С. Сташкевич. — Минск: Беларусь, 1973. — 416 с., портр.
 13. *Казакевич А. Д.* Православная Церковь в Белоруссии накануне и во время восстания 1863–1864 гг. — Жировичи, 2000 (рукопись).
 14. *Караткевіч У., Мальдзіс А.* Горад паўстае 1863–1864 гг. / Горад і годы. — Мінск, 1967. — С. 15–28.
 15. К истории польского восстания 1863 г. (Неизвестная рукопись Оскара Авейде: «Краткий очерк последних событий в Польше 1861–1864 гг.») // Красный архив. — 1933. — № 2. — С. 110–139.
 16. *Конопасевіч А.* Воспоминания о жизни и мученической кончине в 1863 году священника Богушевичской Крестовоздвиженской церкви Минской губернии Даниила Стефановича Конопасевича, записанные сыном его, Алексеем Конопасевичем, 15-го ноября 1908 года со слов очевидицы его смерти, жены его, Елены Ивановны // Минские епархиальные ведомости. — 1909. — № 1. — С. 7–26. (В 1909 г. в Минске отпечатан отдельный оттиск в 1000 экз. в виде брошюры.)
 17. Копия рапорта на имя Минской Духовной Консистории бывшего настоятеля Минского Кафедрального собора, протоиерея Владимира Успенского, от 7 мая 1910 года за № 198 // Минские епархиальные ведомости. — 1910. — № 21. — С. 433–440.
 18. *Корнилов И.* Русское дело в Северо-Западной крае. Вып. 1. — Изд. 2-е, проверенное и дополненное (посмертное). — СПб., 1908. — 531 с.

19. *Коялович М. О.* О мученической смерти дьячка Федора Иоозефовича Минской губернии, Пинского уезда, Святовольского прихода. Со слов вдовы замученного Домны Иоизифовичевой / Три мученические кончины // *День*. — 1863. — № 29. — С. 11.
20. *Лазутко С. А.* Революционная ситуация в Литве 1859—1862. — М.: Высшая школа, 1961. — 260 с.
21. *Летопись Новоселковской Покровской церкви, Игуменского уезда* // *Минские епархиальные ведомости*. — 1877. — № 20. — С. 411—416.
22. *Мальцев Евгений, священник.* На могилу о. Даниила Конопасевича // *Минские епархиальные ведомости*. — 1908. — № 23. — С. 766—771.
23. *Миловидов А.* Заслуги графа М. Н. Муравьева для Православной Церкви в Северо-Западном крае. — Харьков, 1900. — 92 с.
24. *Московские Ведомости*. — 1863. — № 142. — С. 3.
25. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 130. Оп. 1. Д. 277.
26. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 26597.
27. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29327.
28. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 29853.
29. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30404.
30. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30545.
31. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30586.

32. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 36964.
33. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40734.
34. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40822.
35. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40831.
36. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40834.
37. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40839.
38. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 43134.
39. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 147. Оп. 3. Д. 20104.
40. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 160. Оп. 1. Д. 525.
41. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 160. Оп. 1. Д. 753.
42. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1638.
43. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 296. Оп. 1. Д. 31.
44. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 296. Оп. 1. Д. 56.
45. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1418. Оп. 3. Д. 1.
46. Некролог (священник Иоанн Рункевич) // Минские епархиальные ведомости. — 1874. — № 10. — С. 173.

47. Об убийстве польскими мятежниками священника Конопасевича // Московские Ведомости. — 1863. — № 128. — С. 2.
48. О православных священниках и прочих лицах, пострадавших во время последнего польского мятежа // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1813. — № 13–14. — С. 251–254; № 15–16. — С. 278–281.
49. Освящение церквей в Юревичах и Богушевичах, Игуменского уезда // Минские епархиальные ведомости. 1869. — № 13. — С. 401–405.
50. Памятник на могиле псаломщика Юзефовича // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1911. — № 13–14. — С. 272.
51. *Пастернацкий Иларион, священник*. Письмо в Редакцию // Минские епархиальные ведомости. — 1909. — № 1. — С. 29–35.
52. *Пастернацкий Роман, священник*. Речь, по случаю освящения памятника на могиле священника Даниила Конопасевича, в воспоминание его смерти от поляков, сказанная 23 мая 1870 года в местечке Богушевичах // Минские епархиальные ведомости. — 1870. — № 14. — С. 364–367.
53. *Пастернацкий Роман, священник*. Торжественное внесение иконы, пожертвованной Государем Императором в Богушевичскую церковь, и освящение памятника на могиле пострадавшего от мятежников священника Даниила Конопасевича // Минские епархиальные ведомости. — 1870. — № 14. — С. 354–357.
54. *Петров А.* Памяти мученика за веру и народность отца Даниила Конопасевича священника с. Богушевичи Игуменского уезда (стихотворение) // Братский Листок. — 1907. — № 6. — С. 3.

55. Пинск. Памятник герою-мученику // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1911. — № 18. — С. 345.
56. Письмо в редакцию. (Касательно инициативы свящ. Петра Сущинского о постройке нового памятника свящ. Д. Конопасевичу) // Минские епархиальные ведомости. — 1910. — № 23. — С. 468.
57. Польские дела // Московские Ведомости. — 1863. — № 109. — С. 2.
58. Постановление Минского Епархиального съезда духовенства // Минские епархиальные ведомости. — 1908. — № 20–21. — С. 717–720.
59. П[ротоиерей] I[оанн] Ф[илиповский]. Смерть отца Канапосевича // День. — 1863. — № 24. — С. 12–13.
60. П[ротоиерей] I[оанн] Ф[илиповский]. Страдания православного духовенства Литовской епархии от польских мятежников // Литовские епархиальные ведомости. — 1863. — № 12. — С. 417–423.
61. Путевые записки ст. сов. Ф. Д. Воинова, или воспоминания о пребывании его в Минской губернии с февраля 1865 по 1 мая 1866 года. — СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1891. — 85 с.
62. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православной Церковью Западно-русских униатов. Соборные деяния и торжественные служения 1839 г. — СПб.: Синод. тип., 1889.
63. Речь по освящении храма в селе Богушевичах, Игуменского уезда, сказанная Преосвященнейшим Александром, Епископом Минским и Бобруйским, 30 июня 1869 года // Минские епархиальные ведомости. — 1869. — № 13. — С. 397–401.
64. *Рогинский Р.* Из воспоминаний повстанца // Исторический вестник. — 1906. — № 8. — С. 422–452.

65. *Рункевич Иоанн, священник*. Слово в день поставления в Богушевичской церкви иконы, присланной от Государя Императора, сказанное 23 мая 1870 года // Минские епархиальные ведомости. — 1870. — № 14. — С. 359–364.
66. *Самуэвіч В.* Эканамічна-культурнае становішча мястэчка Багушэвічы // Наш край. — 1927. — № 3. — С. 29–34.
67. *Сахаров А. Н.* «Светлый русский ум» / И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая: Государев двор, или Дворец. — М.: Книга, 1990.
68. *С[вященник] П[етр] С[ущинский]*. К воспоминаниям о священнике Богушевичской церкви Д. Конопасевиче // Минские епархиальные ведомости. — 1909. — № 11. — С. 262–273.
69. *Скрынченко Д.* Памяти повешенного поляками псаломщика Юзефовича // Минское слово. — 1909. — № 722. — С. 2.
70. *Скрынченко Д. Ф. Я. Юзефович* (повешен поляками 1 июня 1863 г.) // Минские епархиальные ведомости. — 1909. — № 11. — С. 273–274.
71. Слово при освящении храма в м. Богушевичах // Минские епархиальные ведомости. — 1869. — № 13. — С. 405–409.
72. *Смирнов А. Ф.* Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. — Москва: изд. Акад. наук СССР, 1963. — 391 с.
73. *Станкевич В. Г.* Письмо в Редакцию // Минские епархиальные ведомости. — 1910. — № 1. — С. 19–21.
74. *Сущинский Петр, священник*. Письмо в редакцию // Минские епархиальные ведомости. — 1909. — № 18. — С. 461–462.

75. *Трещенок Я. И.* История Беларуси. Ч. 1. Досоветский период: учебное пособие. — Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2003. — 176 с.
76. *Утрата Сергей, диакон.* Восстание 1863—1864 гг. и церковная жизнь в Белоруссии (кандидат. дис.). — Жировичи, 2000 (рукопись).
77. По поводу сооружения памятника свящ. Даниилу Конопасевичу // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. — 1909. — № 2. — С. 30.
78. [*Świętorzieski A.*]. Ze wspomnień wygnańca / Spisał Z. Kowalewska. — Wilno, 1911.
79. *Fajnhauz David.* 1863: Litwa i Białorus / Inst. Historii PAN. — Warszawa: Neriton, 1999.
80. 1863 год на Міншчыне (Rok 1863 na Minszczyźnie) / J. Witkowski i інш. — Мінск, 1927. — 216 с.

Содержание

К читателю.....	3
Глава I	
Вехи истории	7
Глава II	
Иерей-мученик Даниил.....	29
Глава III	
Псаломщик Федор Юзефович.....	75
Глава IV	
Память	85
Источники и литература	119

Духовно-просветительное издание

Шеглов Гордей Эдуардович

Год 1863. Забывтые страницы

Редактор *священник* Гордей Шеглов

Компьютерный дизайн Е. В. Шабад

Компьютерная верстка А. Е. Шабад

Корректор Л. В. Сулягина

Подписано в печать *xx.xx.xxxx*. Формат *xxxxxx/xx*

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. *xx,x*. Уч.-изд. л. *xx,x+x,x* вкл. Тираж 1000 экз. Заказ № *xxxx*.

Общество с ограниченной ответственностью «ВРАТА»

ЛИ №02330 / 0150259 от 08.04.2008.

Ул. Брестская, д. 34, комн. 34, 220099, г. Минск.

Т. [8-017] 212-85-16; e-mail: nebo@vrata.by.